

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 6 (48), 2023

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2023

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 6 (48), 2023

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

Head editor: Teslina Olga Vladimirovna

Executive editor: Melikhova Natalia Vasilievna

EDITORIAL BOARD:

Dmitrieva Elizaveta Igorevna,
Candidate of Philological Sciences,
Ansimova Olga Konstantinovna,
Candidate of Philological Sciences,
Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology,
Madrakhimov Tulibay Abdugarimovich,
Candidate of Philological Sciences,
Rakhmonov Azizkhon Bositkhonovich,
Doctor of Philosophy in Pedagogical Sciences (PhD),
Popov Dmitriy Vladimirovich,
Doctor of Philological Sciences,
Sheremetyeva Anna Gennadevna,
Doctor of Philological Sciences,
Bobokalonov Ramazon Radzhabovich,
Doctor of Philological Sciences
Saifullaeva Rano Raupovna,
Doctor of Philological Sciences, Professor
Yakubov Zhamaliddin Abduvalievich, Doctor of Philology
Ziyamukhamedov Zhasur Tashpulatovich,
Doctor of Philological Sciences
Kilicheva Feruza Beshimovna,
Candidate of Philological Sciences

EDITORIAL STAFF:

Novogradec Marina Jajic, PhD
Loseva-Bakhtiyarova Tanem Valerievna,
Candidate of Philological Sciences
Saidov Yakub Siddikovich, PhD in Philology
Artamonova Irina Valerievna,
Candidate of Philological Sciences

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.

Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G", office 312

E-mail: sciphilology@inbox.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: «Scientific survey» Ltd.

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 6 (48), 2023

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна
Ответственный редактор: Мелихова Наталья Васильевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дмитриева Елизавета Игоревна,
кандидат филологических наук,
Анимова Ольга Константиновна,
кандидат филологических наук,
Атаманова Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук,
Мадрахимов Тулибай Абдукаримович,
кандидат филологических наук,
Рахмонов Азизхон Боситхонович,
доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Попов Дмитрий Владимирович,
доктор филологических наук,
Шереметьева Анна Геннадьевна,
доктор филологических наук,
Бобокалонов Рамазон Раджабович,
доктор филологических наук
Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук
Якубов Жамалиддин Абдувалиевич,
доктор филологических наук
Зиямухамедов Жасур Ташпулатович,
доктор филологических наук
Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Новоградец Марина Яйич,
доктор филологических наук
Лосева-Бахтиярова Танем
Валерьевна,
кандидат филологических наук
Саидов Якуб Сиддикович,
доктор филологических наук
Артамонова Ирина Валерьевна,
кандидат филологических наук

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312
E-mail: sciphilology@inbox.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: ООО «Научное обозрение»

===== CONTENTS =====

Germanic Languages

Fadeeva L.V.

FUNCTIONAL-SEMANTIC DESCRIPTION OF VERBS
QUALITATIVE AND QUALITATIVE-EVALUATION
CHARACTERISTICS OF MODERN GERMAN.....6

Journalism

Shimolin V.I.

BELARUSIANS UNDER THE WING OF ORTHODOXY.....14

Philological sciences

Kovalev A.A.

SOME TYPICAL MISTAKES MADE BY STUDENTS
WHEN READING AND TRANSLATING ENGLISH TEXTS
(FROM THE TEACHING EXPERIENCE OF A NON-LINGUIST).....21

Koltsova K.A.

THE MEANING OF COLOR NAMES IN ENGLISH AND RUSSIAN.....28

Krasnova P.P.

EXPERIMENTAL METHODS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE.....37

Pérez Victoria

PRESENTACIÓN ARTÍSTICA DE UN OBJETO
EN “CASANDRA” (1983) DE CHRISTA WOLF.....42

Languages of Peoples of Asian

Nasrieva D.M.

UZBEK REALITIES IN ARTISTIC DISCOURSE: NATIONAL IDENTITY.....51

СОДЕРЖАНИЕ

Германские языки

Фадеева Л.В.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ГЛАГОЛОВ КАЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННО-ОЦЕНОЧНОЙ
ПРИЗНАКОВОСТИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА.....6

Журналистика

Шимолин В.И.

БЕЛОРУСЫ ПОД КРЫЛОМ ПРАВОСЛАВИЯ.....14

Филологические науки

Ковалёв А.А.

НЕКОТОРЫЕ ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ
СТУДЕНТАМИ ПРИ ЧТЕНИИ И ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКИХ
ТЕКСТОВ (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ-НЕЛИНГВИСТА).....21

Кольцова К.А.

ЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....28

Краснова П.П.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МЕТОДИКА
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.....37

Виктория Перес

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЪЕКТА
В НОВЕЛЛЕ “КАСАНДРА” (1983) КРИСТЫ ВОЛЬФ.....42

Языки народов зарубежных стран Азии

Насриева Д.М.

УЗБЕКСКИЕ РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ДИСКУРСЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.....51

УДК 811.11 – 112

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГЛАГОЛОВ
КАЧЕСТВЕННОЙ И КАЧЕСТВЕННО-ОЦЕНОЧНОЙ
ПРИЗНАКОВОСТИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Л.В. Фадеева, кандидат филологических наук, доцент
БОУ ДПО «Институт развития образования Омской области» (г. Омск), Россия

Аннотация. В данной статье описывается функционально-семантический потенциал глаголов качественной и качественно-оценочной признаковости современного немецкого языка. Проводится анализ дополнительных семантических значений, базирующихся на первичном категориальном значении. В результате чего доказывается вероятность вхождения указанных глаголов в состав функционально-семантического поля качественности на языковом материале немецкого языка как переходных периферийных явлений.

Ключевые слова: категориальное значение, семантические созначения, качество, качественность, признак, оценочные образования.

Язык – это постоянно развивающаяся система. Процесс постоянного развития языка позволяет выявить особенности и динамику разноуровневых языковых единиц, которые могут выполнять одни и те же функции или изменять их в зависимости от языковых или неязыковых условий. В данной статье предпринимается попытка функционально-семантического описания и характеристики глагольных лексем современного немецкого языка со значением качественного и качественно-оценочного признака. Необходимо сразу пояснить, что это за глаголы. Глаголы качественной и качественно-оценочной признаковости – это глаголы, которые добавляют к своему категориальному значению различные семантические «довески». Сравните:

Er *sagte* diese Worte ganz laut und deutlich. – Он сказал эти слова очень громко и отчетливо. (Здесь и далее перевод автора статьи). Sagen – «сказать»; нейтральный глагол. Качественная характеристика действия подкрепляется наречиями «громко», «отчетливо».

Weit breitete sie die Arme aus; und mit einem Aufschrei warfen sie sich einander entgegen, umklammerten sich, pressten sich die Luft aus den Lungen und *stammelten* Silben und Töne, die keinen Sinn mehr ergaben [9, с. 421]. – Она распахнула руки; с криком бросились они навстречу друг другу, обнялись, вытолкнули воздух из легких и *пробормотали* слоги и звуки, которые больше не имели смысла. Stammeln – «мямлить, лепетать, бормотать, т.е. неотчетливо произносить»; глагол, который не только обозначает конкретное речевое действие, но и дает ему качественную характеристику, а также качественно-оценочную характеристику субъектам действия, описывая их эмоциональное состояние.

Для нашего исследования очень большую ценность имеет функционально-системный подход. Как известно, функционально-системный подход состоит в осуществлении принципа единства системно-категориального и функционального аспектов грамматики. С точки зрения функционального подхода язык рассматривается в качестве системы

человеческого общения. При этом преимущественное внимание уделяется функциональным отношениям на различных уровнях организации грамматики, таким как семантические, синтаксические и прагматические функции. Функциональный подход позволяет тщательнейшим образом исследовать части речи и описать их функционально-семантические разряды. Функционирование языка как орудия общения обеспечивает взаимодействие разных языковых единиц.

Взаимодействие частей речи остается одной из актуальных проблем современной лингвистики. Очень интересными, с точки зрения данного исследования, являются механизмы перекатегоризации, то есть нейтрализации одних категориальных признаков частей речи и актуализации других, в результате чего происходит переосмысление уже известного категориального значения слова, подведение его под новую лексико-грамматическую категорию.

Части речи представляют собой прототипически организованные категории со всеми присущими этим категориям свойствами, прежде всего наличием константных и переменных величин, являющимися источниками всевозможных трансформаций и семантических сдвигов, которые можно обозначить как переходные явления. Переходные явления имеют свои закономерности. К лингвистическим причинам явлений переходности относятся следующие: 1) отсутствие в языке нужных слов и конструкций для выражения мысли, 2) стремление к экономии языковых средств, 3) многоаспектность единиц языка, 4) потребность в дифференциации смысловых связей и отношений, 5) семантическая емкость синкретичных образований, 6) потребность самой структуры языка.

Примечательно, что в современных языках не существует однозначного соответствия между категориями предмета, действия, качества, количества и частями речи. Имеется достаточное количество примеров, подтверждающих, что имена существительные могут обозначать не только лица и предметы, но и действия и качества. А глаголы могут не только обозначать различные действия и состояния, но и давать качественную или качественно-оценочную характеристику субъекту или объекту действия или состояния.

Исследования семантики глагольных лексем позволяет определить широкий круг глагольных значений. Как отмечает Е.С. Кубрякова в своей монографии, с ономаσιологической точки зрения «все это семантическое многообразие сводимо к единому инвариантному смыслу – все глаголы «преддицируют» имени определенный признак, все они описывают свойства предметов в логическом понимании этого термина и характеризуют его» [5, с. 34].

Традиционно категориальное значение глагола определяется как действие, процесс или состояние. Именно благодаря особенностям семантики глаголов – в силу ее известной неопределенности, общности – подлинный смысл глагольной лексемы раскрывается нередко только в моделях ее синтагматического развертывания или расширения. Расширения бывают возможными в том случае, когда к категориальному значению глаголов добавляются различные семантические созначения. Так, У. Чейф дополняет классификацию значений глаголов классификацией его возможных аргументов [7]. Сходная трактовка значений глаголов предлагается и Ч. Филмором, в концепции которого значения глаголов определяются тем, в какие падежные окружения он способен входить [2, с. 119-124]. Однако как указывает Е.С. Кубрякова, эти теории не учитывают того факта, что глаголы могут содержать указание на инструмент или средства обозначаемых ими действий, как впрочем, и на его исполнителя или адресата, внутри себя [5, с. 48].

Для лингвистических исследований очень интересны глагольные лексемы с семантическими расширениями и распространениями. На существование не процессуальных значений у глагола указывалось давно. Большинство обнаруженных нами глагольных лексем немецкого языка, включающих в свою лексико-семантическую структуру значение качественного или качественно-оценочного признака, проявляют эту дополнительную семантику в вариантах с переносным значением, которые относятся к разговорной или грубо

окрашенной лексике. Базой названия в данном случае можно обозначить то значение, которое приписывается глаголу в качестве основного значения и которое называется общекатегориальным значением, то есть это значение процессуальности. На основе основного значения могут складываться вторичные значения. Поэтому можно утверждать, что вторичные значения возникают не столько на основе процесса дробления внутрикатегориального значения, сколько на основе межкатегориальных связей.

Так как в данной статье исследованию подвергаются глагольные лексемы качественной и качественно-оценочной признаковости современного немецкого языка, то вполне логичным является обращение к определению таких терминов как «качество», «свойство», «качественность», «признак». В философском энциклопедическом словаре мы можем найти следующее определение качества: «Качество, философская категория, выражающая неотделимую от бытия объекта его существенную определенность, благодаря которой он является этим, а не иным объектом. Качество отражает устойчивое взаимоотношение составных элементов объекта ... Под свойством понимается способ проявления определенной стороны качества объекта по отношению к другим объектам, с которыми он вступает во взаимодействие» [10, с. 252-253]. Качественность можно определить как семантическую категорию, представляющую собой языковую интерпретацию мыслительной категории качества или как базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле, представляющее собой группировку разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности качественных функций [1; 3].

Наблюдается стремление избежать совпадения понятий «свойства» и «признаки». Признаки определяются как «любые черты, характеристики предметов, которые могут быть использованы в процессе познания в таких логических целях, как выделение предметов, их распознавание, отождествление, различение и т.п., т.е. все то, по чему можно признать что-либо» [4, с. 54-55].

Нас, прежде всего, интересует глагольная качественность. Функциональная грамматика демонстрирует проявление глагольной качественности на материале русского языка в трех основных типах [1, с. 64]. Первый тип – это дифференцирующее свойство как обобщение повторяющихся действий. Здесь имеется в виду свойство, опирающееся на различные варианты временной нелокализованности действия, которые могут передаваться глаголами, как совершенного вида, так и несовершенного вида. Второй тип – это свойство как результат конкретного факта. Речь идет о качественном аспекте перфектной функции, реализуемой при употреблении глаголов совершенного вида. Третий тип – это актуально протекающее свойство-состояние, выражаемое при употреблении глаголов несовершенного вида. Третий тип глагольной качественности обнаруживает сходство с функционированием кратких прилагательных, выражающих не просто свойство, а свойство-состояние.

Немецким глаголам не присуща категория вида. Поэтому дополнительные семантические значения качества и оценки, включенные в их лексико-семантическую структуру, не зависят от фиксируемого временного периода.

Что касается оценочных смысловых образований, то они имеют иную природу, чем качественные. Субъективная сторона языковой семантики находит яркое выражение в том, что предметам могут «приписываться» как бы усмотренные в них самих признаки, содержания которых составляют отношения субъекта к объекту, а не то, что «дано» в объекте, как таковом, если мысленно характеризовать его независимо от отношения к нему субъекта. Сравните, например: *zufliegen* – «подлетать», касательно движений человека. Ведь именно одному субъекту кажется, что другой субъект движется с такой большой скоростью. Например: *Frau Brenten flog auf ihn zu, er wurde umarmt, geküßt, nach seinen Befinden befragt* [8, с. 206]. – Госпожа Брентен *подлетела* к нему, его обняли, поцеловали, спросили о его самочувствии.

Для описания функционального потенциала глагольных лексем качественной и качественно-оценочной признаковости требуется анализ выражаемых ими отношений между различными лицами и предметами. Иными словами, необходимо выделить те признаки, на основании которых выделяются их ономазиологические разновидности. В глагольных лексемах закрепляются всевозможные ракурсы глагольного «действия» и «состояния» с предметами и лицами, производящими эти действия или подверженные им. По мнению А.А. Уфимцевой номинация глагольными лексемами происходит неизбежно с ориентацией на сферу субъекта или объекта. В зависимости от направленности на одну из указанных сфер определяется «ономазиологическая формула» каждого глагола, то есть глагольное действие может быть направлено на субъект действия, либо на объект воздействия, восприятия, отношения [6, с. 139]. Сравните:

„Die Straße freigegeben, du Idiot!“ *brüllte* Rassim [9, с. 438]. - «Улицу освободить, идиот!» – *прорычал* Рассим. – Действие направлено на субъект, т.е. оно характеризует субъект, его состояние, его отношение к другому субъекту.

(brüllen – мычать, рычать, вопить, орать, реветь, очень громко и раздраженно разговаривать)

Aber während noch vor zehn Tagen alle die Köpfe senkten, um seinen stummen Segen zu empfangen, *starrten* ihn jetzt feindselige Augen *an* [9, с. 427]. - В то время как еще десять дней тому назад все опускали головы, чтобы принять его немое благословение, сейчас на него *пристально смотрели* враждебные глаза. – Действие направлено на объект, т.е. оно характеризует отношение к нему со стороны субъекта в данный момент.

(anstarren – уставиться, пристально смотреть, смотреть, не отводя взгляда)

Нами были проанализированы глаголы из романов Гейнца Гюнтера Конзалика «Крест в Сибири» и Вилли Бределя «Отцы», включающие в свою лексико-семантическую структуру дополнительные семантические значения качества и оценки. Одни из них дают физическую характеристику субъектам, описывая особенности их речи, взгляда, походки. Другие дают им эмоционально-психологическую характеристику, описывая их эмоциональное и психическое состояние и привычки.

Исходя из выше указанных характеристик, можно выделить следующие лексико-семантические группы: «Речевое поведение субъекта», «Движение субъекта», «Зрительное восприятие субъекта», «Поведение субъекта».

Примеры для лексико-семантической группы «Речевое поведение субъекта»:

stottern – заикаться, лепетать, запинаться, говорить запинаясь

„Genosse Kommandant ...“, *stotterte* der arme dicke Gribow und begann fürchterlich zu schwitzen [9, с. 446]. – «Товарищ комендант ...», *говорил, запинаясь*, бедный полный Грибов и начинал ужасно потеть.

bellen – лаять, таякать, брехать, выть, говорить отрывисто и на повышенных тонах

„Haben Sie andere Vorschläge, Sie Medizinengel?“ *bellte* er wütend [9, с. 489]. – «У Вас другие предложения, Вы, медицинский ангел?» - гневно *тявкнул* он.

grunzen – хрюкать, бурчать себе под нос

Rassim *grunzte*, warf die Tür zu, dass sie noch im Schloss nachzitterte, und stapfte wütend davon [9, с. 509]. – Рассим *буркнул* себе под нос, захлопнул дверь так, что она еще некоторое время дрожала, и гневно зашагал прочь, тяжело ступая.

zischeln – шипеть как змея, тихо и раздраженно говорить что-либо

Denn wie ein quälender Stachel saß ihm im Blut, was die Schwester ihm bei jeder Gelegenheit in die Ohren *zischelten*. Unmögliche Heirat ... [8, с. 16]. -Потому что как мучительное жало засело у него в крови то, что при каждом случае *шипели* ему в уши сестры. Невозможный брак ...

Alice, die unter nicht enden wollendem Beifall von der Bühne herunterkam, nahm ihren Weg an dem Hardekopfschen Tisch vorüber und *zischelte* Frieda ins Gesicht: „Finde ich sehr rücksichtslos von Onkel, das muss ich schon sagen!“ [8, с. 112]. - Элис, которая сошла со сцены

под неумолкаемые аплодисменты, проходя мимо стола Хардекопфов, *прошипела* Фриде в лицо: «Я нахожу это очень неуважительным со стороны дяди, вот что я должна сказать!»

anherrschen – прикрикнуть на кого-либо, пожурить, отчитывать кого-либо на повышенных тонах

„Unterlassen Sie Ihr dummes Gelächter“, *herrschte* der Polizist Brentels Begleiter *an* [8, с. 17]. – «Оставьте Ваш глупый смех», *прикрикнул* полицейский на спутника Brentеля.

meckern – блеять, жалобно и протяжно говорить

Nur Paul Papke *meckerte* kläglich: „Und was wird aus unserem Auszahlungsfest? Was aus unserer Maskerade?“ [8, с. 87]. – Только Пауль Папке жалобно *блеял*: «Что теперь будет с нашим профсоюзным праздником? С нашим маскарадом?»

flöten – говорить притворно сладким тоном, заливаться соловьем

„Oh, sehr angenehm, meine Herren“, *flötete* die dicke Pute [8, с. 236]. – «О, очень приятно, мои господа», – *говорила притворно сладким тоном* толстая индейка.

Примеры для лексико-семантической группы «Движение субъекта»:

stapfen – тяжело ступать, идти с трудом

Mit einem Ruck wandte er sich dann ab und *stapfte* ins Zimmer zurück [9, с. 423]. – Одним рывком он отвернулся и *тяжело ступая*, вернулся в комнату.

stürzen – бросаться, ринуться, устремляться, быстро и целенаправленно двигаться

Larissa Dawidowna, die neben dem zurückgezogenen Vorhang gewartet hatte, *stürzte* zu ihm und schlang die Arme um ihn [9, с. 474]. – Лариса Давидовна, которая ожидала около задернутого занавеса, *устремилась* к нему и заключила его в свои объятия.

kriechen – ползи, заползть

Die letzten zehn Stunden nur noch er und Felix Striemel, denn die beiden andern, Gustav und Hinrich, dressierte Eheknochen, wie er sie verächtlich nannte, *waren* wie gehorsame Pudel nach Hause zu ihren Weibern *gekrochen* [8, с. 20]. – Последние десять часов только он и Феликс Штримель, потому что оба других, Густав и Хинрих, дрессированные рабы, как он их пренебрежительно называл, как послушные пудели *уползли* домой к своим бабам.

hervorschießen – быстро или неожиданно выбегать

Als er vor seinem Haus angelangt, ins Treppenhaus wollte, *schoss* aus einer dunklen Ecke die Nachbarin Bollers *hervor* [8, с. 20]. – Когда он, добравшись до своего дома, хотел подняться на лестничную площадку, из темного угла *неожиданно выбежала* соседка Боллерс.

taumeln – нетвердо держаться на ногах, идти шатаясь и покачиваясь

Er hielt sich am Türpfosten fest, machte eine schroffe Wendung und *taumelte* auf die Straße [8, с. 20]. – Он крепко держался за дверной косяк, сделал резкий поворот и, *покачиваясь, вышел* на улицу.

schlüpfen – шлепать, выскальзываться, быстро и незаметно двигаться

schleichen – красться, подкрадываться, бесшумно двигаться

Als sie sein Schnarchen regelmäßig und fest fand, *schlüpfte* sie aus dem Bett, *schlich* vorsichtig nach dem Stuhl, über dem seine Hose hing, holte das Portemonnaie heraus und untersuchte vorsichtig im Finstern den Inhalt [8, с. 95]. – Когда она нашла его храп регулярным и крепким, она *выскользнула* из постели, *подкралась* к стулу, на котором висели его брюки, вынула из них портмоне и осторожно обследовала в темноте его содержимое.

herumwirbeln – кружиться, вертеться, делать круговые движения

Seine Nichte Alice Striemel *wirbelte* in ihrem neuen Kleid mit der großen Tunika *herum* [8, с. 105]. – Его племянница Элис Штримель *кружилась* в своем новом платье с большой туникой.

hinauswatscheln – переваливаться, идти переваливаясь, ходить вразвалку

Hermine *watschelte* mit Leidensmiene *heraus* [8, с. 288]. – Гермина *вышла, переваливаясь*, со страдальческим выражением лица.

Примеры для лексико-семантической группы «Зрительное восприятие субъекта»:

glotzen – тарачить глаза, выпучить глаза, глазеть, уставиться, пялиться, пристально смотреть

Die Wachsoldaten auf den Türmen, an der Lagerwache in der Kaserne *glotzten* erwartungsvoll [9, с. 441]. – Постовые на башнях, лагерная охрана в казарме *тарачили глаза*, ожидая.

anfunkeln – сверкать глазами, смотреть на кого-либо раздраженно и с большим негодованием

Der dicke Krischon *funkelt* sie halb verblüfft, halb unwillig *an*, erwidert aber kein Wort mehr, er macht nur eine abwehrende Handbewegung und will an ihr vorübergehen [8, с. 8]. – Толстый Кришон *сверкает* на нее *глазами*, наполовину сбитый с толку, наполовину негодуя, однако не отвечает ни слова, он делает только отталкивающее движение рукой и хочет пройти мимо нее.

Примеры для лексико-семантической группы «Поведение субъекта»:

stülpen – нахлобучить, небрежно надеть

Er zog seinen leichten, hell-lehmfarbigen Sommeruniformrock an, *stülpte* die Mütze auf die Haare und verließ die Kommandantur, um sich Bataschews Möbel aus der Nähe anzusehen [9, с. 426]. – Он надел свою легкую, светло глиняную летнюю униформу, *нахлобучил* шапку на волосы и покинул комендатуру, чтобы вблизи рассмотреть мебель Баташева.

saufen – хлестать, глушить, напиваться, пьянствовать, бухать, употреблять алкоголь в большом количестве

„Wie ein Ungeheuer sieht er aus“, stotterte er, „wie ein Moloch. Jetzt will er *saufen*“ [9, с. 452]. – «Он выглядит как чудовище», пролепетал он, «как Молох. А сейчас он хочет *бухать*».

schmuggeln – провозить нелегально, переправлять контрабандой

Mustai holte Abukows Anteil ab, lagerte ihn in seiner Limonadenbrauerei und gab ihn am Abend an Arikin, Tschelup und die anderen Vertrauensleute der Sträflinge weiter, die wie immer die Köstlichkeiten ins Lager *schmuggelten* [9, с. 461]. – Мустай забрал долю Абукова, спрятал ее на своем лимонадном заводе и вечером передал Арикину, Челепу и другим доверенным из арестантов, которые как всегда *переправляли контрабандой* изысканности в лагерь.

schleudern – с силой бросать, швырять, метать

Rassim gab in der Kommandantur dem armen Boten eine Ohrfeige, *schleuderte* die Broschüre an die Wand und schrie, dass es Wolozkow im Nebenzimmer hörte: „Ha! Soll ich mir meine Rechte und Pflichten vorhalten lassen von einem Bürschlein, dem noch die Muttermilch aus dem Mündchen läuft?“ [9, с. 478]. – Рассим дал пощечину бедному послу в комендатуре, *швырнул* брошюру о стену и закричал так, что Волоцков услышал в соседней комнате: «Ха! Я должен внимать свои права и обязанности от юнца, у которого еще материнское молоко на губах не обсохло?»

schlürfen – хлебать, чавкать, потягивать, попивать, пить жидкость с шумом

sich schälen – быстро и небрежно сбрасывать с себя одежду

Dick ver mummt in einen Wolfspelz, aber trotzdem von der Kälte geschüttelt und mit gerötetem Gesicht, stapfte er schnell in die Kommandantur, *schälte sich* aus dem Mantel, rieb sich das Gesicht und holte dann die Flasche Wodka aus dem Schrank. In den Tee, den er sich aus dem Samowar zapfte, goss er eine große Portion des Alkohols und *schlürfte* das einzige belebende Getränk, das es bei dieser mörderischen Kälte gab, in vorsichtigen, schmatzenden Zügen [9, с. 500]. – Плотно закутавшись в волчью шубу, но, несмотря на это, дрожа от холода и с покрасневшим лицом, тяжелым шагом он быстро прошел в комендатуру, *небрежно сбросил* с себя пальто, растер лицо и достал бутылку водки из шкафа. В чай, который он выцедил из самовара, он налил большую порцию алкоголя и *хлебал* единственный оживляющий

напиток, который имелся при этом убийственном морозе, осторожными, чавкающими глотками.

schuften – вкалывать, пахать, ишачить, надрываться, работать, прилагая большие физические усилия

Frau Hardekopf lebte, strebte und *schuftete* nur für sie [8, с. 29]. - Госпожа Хардекопф жила, стремилась и *надрывалась* только для них.

strahlen – сиять, иметь хорошее настроение

Hermine *strahlte*, war es doch das von ihr gekaufte Buch, das des Jungen Interesse erregte [8, с. 211]. – Гермина *сияла*, это же была купленная ею книга, которая вызвала интерес у мальчика.

Подводя итоги нашему обзору, можно сделать несколько важных выводов. 1) Глаголы способны представлять качества, обладающие сложной семантической структурой. В частности, качества, связанные с регулярным отношением характеризуемого предмета или лица к целому ряду других предметов или лиц. Эта особенность глагольной качественности обусловлена, с одной стороны, большей валентностью глагола по сравнению с другими частями речи, а с другой стороны – комплексным функционально-семантическим потенциалом глагола. 2) Потребность в экспрессии является постоянным двигателем словотворчества, что отражается в непрерывном создании экспрессивных слов, к которым с полным правом можно отнести глаголы со значением качественного и качественно-оценочного признака. 3) Появление новых значений на уровне слова может быть связано с двумя явлениями – полисемией и развитием вторичных значений у имеющихся в языке номинативных знаков, с одной стороны, и словообразованием и созданием новых номинативных знаков – с другой стороны. Первое явление связано с расширением семантической емкости готового знака и развитием на основе его главного номинативного значения переносных значений, что как раз очень часто наблюдается у глаголов качественной и качественно-оценочной признаковости современного немецкого языка. 4) При исследовании смысловой структуры глагольных лексем необходимо обращаться к анализу сочетающихся с ними предметных имен и к анализу отношений между действием и его субъектом или объектом. 5) В структуре функционально-семантического поля качественности, построенном на языковом материале немецкого языка, глагольные лексемы качественной и качественно-оценочной признаковости могут занимать периферийное положение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Т.Г., Берков, В.П. и др. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Санкт-Петербург: «Наука», 1996. – 264 с.
2. Арутюнова, Н.Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора//ВЯ, 1973. – №1. – С. 119-124.
3. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
4. Кириллов, В.И. Логика познания сущности. – М., 1980. – 176 с.
5. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 116 с.
6. Уфимцева, А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 240 с.
7. Чейф, У.Л. Значение и структура языка. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
8. Bredel, W. Die Väter. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1975. – P. 464.
9. Konsalik, H.G. Ein Kreuz in Sibirien. – С. Bertelsmann Verlag GmbH, München, 1983. – P. 541.
10. Философский энциклопедический словарь./Гл. ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

REFERENCES

1. Akimova T.G., Berkov V.P. i dr. Teoriya funkcional`noj grammatiki. Kachestvennost` Kolichestvennost`. Sankt-Peterburg: «Nauka», 1996. – P. 264.
2. Arutyunova N.D. Problemy` sintaksisa i semantiki v rabotakh Ch. Fillmora//VYa, 1973. – No. 1. – Pp. 119-124.
3. Bondarko A.V. Funkcional`naya grammatika. L.: Nauka, 1984. – P. 136.
4. Kirillov V.I. Logika poznaniya sushhnosti. M., 1980. – P. 176.
5. Kubryakova E.S. Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshhenii. M.: Nauka, 1978. – P. 116.
6. Ufimczeva A.A. Leksicheskoe znachenie. Princzip semiologicheskogo opisaniya leksiki. M.: E`ditorial URSS, 2002. – P. 240.
7. Chejf U.L. Znachenie i struktura yazy`ka. M.: Progress, 1975. – P. 432.
8. Bredel W. Die Väter. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1975. – P. 464.
9. Konsalik H.G. Ein Kreuz in Sibirien. – C. Bertelsmann Verlag GmbH, München, 1983. – P. 541.
10. Filosofskij e`ncziklopedicheskij slovar`./Gl. red. L.F. Il'ichev. - M.: Sovetskaya e`ncziklopediya, 1983. – P. 840.

Материал поступил в редакцию 24.11.23

FUNCTIONAL-SEMANTIC DESCRIPTION OF VERBS QUALITATIVE AND QUALITATIVE-EVALUATION CHARACTERISTICS OF MODERN GERMAN

L.V. Fadeeva, Candidate of Philology, Associate Professor
Institute for the Development of Education of the Omsk Region (Omsk), Russia

Abstract. *This article describes the functional-semantic potential of verbs of qualitative and qualitative-evaluative features of the modern German language. Analysis of additional semantic values based on the primary categorical value is carried out. As a result, the probability of these verbs entering the functional-semantic field of quality on the language material of the German language as transitional peripheral phenomena is proved.*

Keywords: *categorical meaning, semantic meanings, quality, trait, assessment formations.*

УДК 8

БЕЛОРУСЫ ПОД КРЫЛОМ ПРАВОСЛАВИЯ

В.И. Шимолин, журналист, писатель, доцент кафедры теории и методологии журналистики факультета журналистики Белорусского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент (Минск), Республика Беларусь

***Аннотация.** Одной из малоизвестных страниц отечественной журналистики является выяснение позитивной роли и значения епархиальной печати русской православной церкви в становлении, укреплении и развитии белорусской культуры, государственности и национального самосознания. Западные идеологи и оппозиционные силы пытаются преуменьшить значение этой страницы белорусской истории. Автор статьи на конкретных фактах, опираясь на исторические документы и публикации епархиальных изданий восстанавливает истину: доказывает позитивную роль православной печати в развитии самосознания белорусов, их национальной культуры. Впервые наиболее открыто «белорусский вопрос» был поднят в публикациях епархиальных ведомостей Северо-Западного края (вторая половина XIX – начало XX в.)*

***Ключевые слова:** белорусы, белорусский язык, православие, епархиальные ведомости, национальная культура, просвещение.*

«А хто там ідзе?»

На протяжении столетий ученые и политологи разных стран, но более всего России и Польши, пытаются «идентифицировать» белорусов, выяснить их национальную принадлежность. Интерес этот проснулся уже в 1772 г., с момента первого раздела Польши между Россией, Австрией и Пруссией.

Интерес этот не всегда здоровый, ангажированный, сенсационный, окрашенный идеологическими и политическими пристрастиями, не иссякает и поныне. Особой остроты проблема этнографической идентичности белорусов достигла в 1795 г. после третьего раздела Польши и присоединения к родной Беларуси ее «восточных кресов» – областей.

Официальная концепция «западнорусизма» представляла белорусские земли исконно русскими, тем самым как бы лишая белорусского народа собственной истории, культуры, науки. Под «Белоруссией» подразумевались географически Могилевская и Витебская губернии, а Минская и Гродненская считались литовскими. Понятия «белорусское» и «литовское» смешивалось с «польским», то есть принадлежащим некогда Речи Посполитой.

Правда истории сильнее домыслов и околонучных рассуждений. Первыми обратились к национальной проблеме белорусского народа именно журналисты епархиальных ведомостей Русской православной церкви, выходившие на территориях Виленской, Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской губерний с 1863 по 1918 гг. Тем самым они опередили многие светские печатные издания своего времени самого различного толка и политических пристрастий, в том числе революционные, социал-демократические, либеральные.

Вскоре после территориального передела Польши исследовать социально-политические и экономические проблемы, исторические судьбы этноса новых территорий взялись известные ученые того времени, изложившие результаты своих наблюдений в соответствующих трудах. Отметим среди других труды М. О. Кояловича «О расселении племен Западного края России: Речь в общ. собр. геогр. о-ва 8 мая 1863 г.» (Москва, 1863 г., 36 с.) и его же «Чтения по истории Западной России» (СПб., 1884, 341 с.), Р. Ф. Эркерта «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России : (с атласом)» (СПб., 1864, 72 с.), Н. П. Столпянского «Девять губерний Западно-Русского края в топографическом, геогностическом, статистическом, экономическом, этнографическом и историческом отношениях» (СПб., 1866, 200 с.), А. Сементовского «Этнографический обзор Витебской губернии» (СПб., 1872, 652 с.), Э. Рэклю «Россия европейская и азиатская» (СПб., 1883, 700 с.), Н. И. Петрова «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края» (СПб., 1890, 585 с.).

Побудительным мотивом к началу изданий епархиальной печати явилась просветительская и идеологическая деятельность православной церкви на белорусской территории. Истинная причина рождения русской церковной печати имела политическую и идеологическую подоплеку: противостояние с католицизмом и польским влиянием. В утвержденной в Москве программе по выпуску церковных ведомостей о русификации белорусов речи не велось.

Выход в свет первого из белорусских епархиальных ведомостей изданий – «Литовских...» – состоялся в 1863 г., после отмены в 1861 г. крепостного права, однако в год кровопролитного январского национально-освободительного восстания в Царстве Польском.

События 1863 г. повлекли за собой ответную реакцию царского правительства, которое при помощи цензуры, школы, православной церкви, воинской повинности, задалось целью окончательно очистить «возвращенные от Польши земли» от разных налетов.

Падение крепостного права стала отправной точкой становления капитализма в России. По мнению экономиста и редактора П. Б. Струве, реформа 1861 г. дала массам импульс к развитию, к общей эволюции социальных и экономических отношений, к созданию условий, в которых возрождение становится неизбежным.

Итогом знаменательных событий следует признать возросшее усиление интереса российского правительства, научных кругов, а также белорусской и польской общественности, партий всех толков к белорусскому населению Северо-Западного края Российской империи.

Упоминание об исторической обстановке, предшествовавшей выходу в свет епархиальных ведомостей в Беларуси, не случайно: большинство исследователей второй половины XIX в. увидели в территориальных переделах Польши и польском восстании 1863 г. толчок, предпосылку зарождения «белорусского движения», смысл, цели и содержание которого, однако, оценивали неоднозначно, субъективно, предвзято и, как показало развитие дальнейших событий, ошибочно.

П. Б. Струве доказывал, что «первые попытки белорусского движения выливаются, главным образом в форму восстановления белорусской письменности и обнимают собой период деятельности писателей и ученых исследователей, преимущественно из поляков местного происхождения» [6, с. 9]. Белорусский историк С. М. Самбук твердо верила, что после подавления восстания 1863-1864 годов, политика царского правительства привела не только к ослаблению польского национального движения, но и пагубно сказалась на проявлениях белорусской культуры: печатание книг и преподавание на белорусском языке было запрещено в 1867 году, вообще же во второй половине XIX века не было издано ни одной книги на белорусском языке [4, с. 147]. Как считал историк В. Игнатовский, интерес к Белоруссии со стороны русских ученых объяснялся не только задачей ее познания, но и доказательством, что Белоруссия есть часть России [2, с. 163].

У этих авторов нашлось немало антагонистов. Профессор П. Бессонов во вступлении к «Сборнику белорусских песен» заявил о необходимости развития местной национальной интеллигенции, заметил их особый от московского характер и решительно выступил в его защиту. Историк М. Коялович заметил, что в «Белоруссии довольно много сделано великих дел и немало было великих людей, чтобы народная память не обратилась к этим делам и к этим людям» [3, с. 49].

Особая тема

Тема «русификации» белорусов не нова и имеет ярко выраженный идеологический оттенок. Нынче она преподносится, как попытка России закабалить Беларусь, сделав ее одной из российских губерний. Поэтому не стоит забывать, что в смутные времена польских восстаний 1831, 1863 гг., белорусские крестьяне поддержали Россию, которая направила в белорусские губернии ученых, преподавателей, православных священников и журналистов, не только изучавших нравы, обычаи, верования и историю народа, но и организовали народное просвещение, открыли дорогу наиболее талантливым ее представителям в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга и Харькова.

Можно подвергнуть сомнению высказывания о том, что белорусская интеллигенция рождалась на русской почве, под воздействием печати, в том числе и епархиальной. Однако взгляды и устремления культурной элиты белорусского общества формировались русскими революционными идеями, впитывали философские взгляды русских демократов, а также западных философов.

Одним из наиболее ярких и талантливых представителей белорусской духовной элиты предстает перед нами фигура белоруса Павла Михайловича Шпилевского, писателя-этнографа, озабоченного судьбой родины. Еще в юности он увлекся изучением истории белорусского края, народного быта, сбором образцов устного народного творчества.

Из множества его сочинений внимание привлекает объемное, в 250 стр., «Путешествие по Полесью и белорусскому краю», опубликованное в некрасовском журнале «Современник», в течение 1853-1855 гг. Автор открыл для русского читателя малоизвестный народ, показал его жилище, повседневную жизнь, а также обрисовал прекрасную белорусскую природу, богатства ее бесчисленных рек и озер, но более всего уделил внимание жителю страны, доверительно сообщал читателю, что белорусский мужик скромный, отзывчив, трудолюбив, доволен своей судьбой, «работает весь день без ропота, кушает на славу, спит беспробудно и его не волнуют тревожные сны или мучительные грезы, последствия праздной роскошной и пустой жизни».

Шпилевский-публицист обращался к современникам, к белорусской интеллигенции: «...Изучая белорусский язык, предания, поверья и сказки белорусского народа, мы изучаем язык, понятия и верования своих предков» [7, с. 52]. Данный вопрос, а по сути, упрек можно адресовать и нашим современникам.

Вкупе со Шпилевским собственные исследования проводили и авторы православных епархиальных ведомостей. На страницах этих изданий мы встретим морально-этические очерки, эссе-нравоучения паствы бережно хранить домашний очаг, придерживаться трезвого образа жизни, воспитывать детей в прилежании, послушании старшим, бережном отношении к женщине и матери.

Описания Шпилевским быта белорусского селянина на страницах православной прессы резко контрастирует со знаменитым, окрашенным серыми тонами произведением классика белорусской литературы, ее песняра Я. Купалы «А хто там ідзе?» (сб. «Жалейка», 1908, Петербург):

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У агромністай такой грамадзе?
– Беларусы.

А што яны нясуць на худых плячах,
На руках ў крыві, на нагах у лапцях?
– Сваю крыўду.

А куды ж нясуць гэту крыўду ўсю,
А куды ж нясуць на паказ сваю?
– На свет цэлы.

А хто гэта іх, не адзін мільён,
Крыўду несць наўчыў, разбудзіў іх сон?
– Бяда, гора.

А чаго ж, чаго захацелась ім,
Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім?
– Людзьмі звацца.

Купала и его единомышленники искренне верили в светлое будущее своей страны и, конечно, не могли предвидеть дальнейшее развитие политических событий, обернувшихся кровопролитной Первой мировой войной, пролетарской октябрьской революцией, породившей беспощадную пролетарскую диктатуру и кровавые репрессии. В противном случае стенания великого поэта и его друзей приобрели бы иную окраску и тональность.

В желании изобразить белорусов поработанными, униженными и оскорбленными, они явно переступили «красную черту». Купала о цели собственного творчества говорил откровенно: «Мне хотелось крикнуть на весь мир о том, как тяжело страдает народ, угнетенный царем и капиталистами».

В доказательстве обратного не будем цитировать известные документы, подтверждающие возрождение белорусской промышленности и экономики в конце XIX – начале XX в. как следствие развития капиталистических отношений после отмены позорного крепостного права.

Просвещение как национальная идея

Тема народного просвещения и образования не сходила со страниц белорусских епархиальных изданий с момента их рождения. Можно отметить регулярное освещение деятельности церковно-приходских школ, в которых начальное образование получали крестьянские дети. Отчеты официальных лиц отмечали не только позитивные моменты, однако содержали критику, отмечали недостатки. Например, в «Полоцких епархиальных ведомостях» публиковался отчет о ревизии ЦПШ членом Епархиального совета Д. Барсовым. Среди позитивных замечаний, в документе откровенно отмечалась слабая подготовка наставников, не уютность классов и не комфортность оборудования учебных мест, недостаточное питание по причине дефицита средств.

И все же отметим, что при всех недостатках начального церковного образования, до начала 1880-х гг. большинство церковно-приходских школ являлись бесплатными, создавались по инициативе приходского духовенства за их собственный счет, а размещались в церковных строениях или в домах священников.

...В епархиальных изданиях можно встретить официальные сведения о сложившейся народной образованности Северо-Западного края: «В 1868 г. в Беларуси насчитывалось 18 средних учебных заведений, 65 мужских и 4 женские гимназии, 2 прогимназии, 4 духовные семинарии, земледельческое училище, кадетский корпус в Полоцке». Всего в средних учебных заведениях Беларуси обучалось 3265 человек, преимущественно дети привилегированных сословий. Ситуация немного изменилась к концу века. По данным

российской переписи, в 1898 г. среди гимназистов было 60 процентов детей дворян и чиновников, 28 – купцов и мещан, 3,5 духовенства, 6,5 процента – сельского сословия.

В ряде научных публикациях утверждается, что главной мотивацией деятельности православного духовенства на ниве просвещения являлось «укоренение религиозной настроенности» учащихся», пропаганда русификации белорусов.

Как бы предвидя выпады современных западных идеологов и противников славянского единства, редактор «Минских епархиальных ведомостей» Дм. Скрынченко в 1905 г., выступая перед студентами Минской духовной семинарии с докладом «Общемировое признание России и в связи с ним задачи западнорусских семинарий», подчеркивал, что «в душе своей и в душе западнорусского народа вы должны вырабатывать сознание необходимости объединения славянских народностей под знаменем России. Объединения не в смысле политического подчинения, например, сербов России, а единения духовного, такого, при котором каждая славянская ветвь жила бы сознанием своего единства и нераздельного родства с могучим славянским организмом – Россией» [5, с. 40].

Обратим внимание на такие вербальные акценты, как: «сознание единства» и «нераздельное родство». Никакой русификации в данном высказывании мы не наблюдаем. Основная мысль всех публикаций епархиальных изданий – братское единение славянских народов.

Справедливость утверждения усиливают красноречивые факты. В период широкого распространения епархиальных изданий в активной общественной среде появляются русские ученые, изучающие особенности языка белорусов, белорусскую этнографию и историю.

В то же время российские издания печатают художественные произведения белорусской литературы на белорусском языке. Так, например, профессор П. Бессонов во вступлении к «Сборнику белорусских песен» заявил о необходимости развития местной национальной интеллигенции, отметил особый, отличный от русского, характер белорусского края и решительно выступил в его защиту. Историк М. Коялович подчеркивал, что в «Белоруссии довольно много сделано великих дел и немало было великих людей, чтобы народная память не обратилась к этим делам и к этим людям» [3, с. 49].

Явной неправдой звучат сегодня слова националистически настроенных лиц о том, что белорусов воспринимали, прежде всего, как *бедное и неграмотное население, пассивный слой людей, находящийся во власти польских помещиков и слишком часто поддающихся под пагубное влияние католических священников.*

На страницах епархиальных изданий белорусы предстают трудолюбивыми и талантливыми. В таком виде их изображали корреспонденты белорусских епархиальных изданий. Отметим выраженное в этих публикациях благожелательное отношение к населению края, позитивные выводы о спокойном характере, трезвости и трудолюбии белорусов. Встречались в публикациях сравнения белорусов с русским народом, причем большинство позитивных мнений выпадало на долю населения Северо-Западного края: «В Белоруссии празднование св. Пасхи ограничивается тремя днями, да и то на третий день храмы уже бывают почти пусты, а большинство простого народа принимается за более легкие весенние работы: на четвертый день работают уже везде и все. Не так празднуется святая неделя Воскресения Христа в Великороссии. Здесь службы церковные совершаются в течение всей недели, при обычном целодневном звоне, и всю неделю народ празднует точно так же, как и в первые дни» [1, с. 19].

На протяжении последних десятилетий в повестке дня ученых собраний, научных и политических дискуссий и споров муссируется «белорусский вопрос», включающий проблемы идентификации национальной принадлежности населения Северо-западного края Российской империи, белорусской государственности, белорусского языка, национальной индифферентности.

Обострение современной международной обстановки лишь усиливает интерес к «белорусскому вопросу», который стал значимой проблемой мировой геополитики. Оппозиционная печать и западные идеологи стремятся приуменьшить роль и значение этих процессов, которые обобщают пренебрежительным термином «русификация». В этой связи невозможно обойти молчанием монографию профессора Карского «Белорусы», научно доказавшего самостоятельность белорусского языка. Автор «Путешествия...» П. М. Шпилевский задолго до Карского признался: «...Заслышав давно знакомую мне белорусскую речь, я невольно остановился и, казалось, вдыхал в себя раздававшиеся в воздухе звуки мелодического певучего языка; в душу мою так вот и просились отголоски слов, произносимых, по обыкновению белорусцев, нараспев, протяжно» [7, с. 52].

Современными ниспровергателями не принимаются в расчет исторические страницы православной епархиальной печати, ее идеологический и просветительский вклад в развитие национального самосознания белорусов и их просвещении. Контент публикаций в расчет не берется, а небрежно отбрасывается. Проблемы «белорусского вопроса» освещаются нынче не только на страницах научных монографий и статей, тезисов научных конференций, но перешли в политическую плоскость. Актуальность вопроса «А хто там ідзе?», как доказала история, с течением времени не только не падает, но возрастает, становится ареной политического противоборства, его парадигмой.

Выходцы из Беларусі, гении, прославили свою страну, внесли неопределимый вклад в преобразование мира. Нужно помнить и можно гордиться именами первопечатника Франциска Скорины, изобретателя шторного затвора для фотоаппарата Сигизмунда Юрковского, создателя ракетного топлива для космических кораблей Бориса Кита, отца электронных медиа Давида Сарнова, создателя боевых самолетов серии «Су» Павла Сухого, нобелевского лауреата по физике Жореса Алфёрова. И это далеко не полный перечень талантов, родившихся в городах и местечках Беларусі.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заметки православного белоруса / Мин. епарх. ведомости. -1895. – Ч. неофиц. – №1 (1 янв.). – С. 19-22.
2. Игнатовский, В. М. Белоруссия: Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории. – II - е изд. – Минск: Госиздат Белоруссии, 1925. – 51 с.
3. Коялович, М. О. О расселении племен Западного края России: Речь в общ. собр. геогр. о-ва 8 мая 1863 г. – Москва: Тип. Бахметева, 1863. – 36 с.
4. Самбук, С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / Ред. В. П. Панютнич. – Мн.: Наука и техника, 1980. – 224 с.
5. Скрыченко, Д. В. Общемировое признание России и в связи с ним задачи западнорусских семинарий / Д. Скрыченко // Мин. епарх. ведомости. – 1906. – Ч. неофиц. - №2. – С. 37-39.
6. Струве, П. Б. Великая Россия / Нация и Империя в русской мысли начала XX века: [Сборник / Сост. вступ. с.5-20, и примеч. С.М. Сергеева]. – Москва: Скимень: Пренса, 2004. – 351 с.
7. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – Мн. : Польша. 1992. – 251 с.

REFERENCES

1. Zаметki pravoslavnogo belorusa / Min. eparh. vedomosti. – 1895. – CH. neofic. – No. 1 (1 yanv.). – Pp. 19-22.
2. Ignatovskij V.M. Belorussiya: Territoriya, naselenie, ekonomika, vazhnejshie momenty istorii. – II - e izd. – Minsk: Gosizdat Belorussii, 1925. – 51 p.
3. Koyalovich M.O. O rasselenii plemen Zapadnogo kraja Rossii: Rech' v obshch. sobr. geogr. o-va 8 maya 1863 g. – Moskva: Tip. Bahmeteva, 1863. – 36 p.
4. Sambuk S.M. Politika carizma v Belorussii vo vtoroj polovine XIX v. / Red. V. P. Panyutich. – Mн.: Nauka i tekhnika, 1980. – 224 p.
5. Skrychenko D.V. Obshchemirovye priznanie Rossii i v svyazi s nim zadachi zapadnorusskih seminarij / D. Skrychenko // Min. eparh. vedomosti. – 1906. – CH. neofic. – No. 2. – Pp. 37-39.

6. Struve P.B. Velikaya Rossiya / Naciya i Imperiya v russkoj mysli nachala XX veka: [Sbornik / Sost. vstup. s.5-20, i primech. S.M. Sergeeva]. – Moskva: Skimen': Prensya, 2004. – 351 p.

7. SHpilevskij P.M. Puteshestvie po Poles'yu i belorusskomu krayu / P. M. SHpilevskij. – Mn. : Polymya. 1992. – 251 p.

Материал поступил в редакцию 07.11.23

BELARUSIANS UNDER THE WING OF ORTHODOXY

V.I. Shimolin, Journalist, Writer, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Journalism of the Institute of Journalism of the Belarusian State University, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Minsk), Republic of Belarus

***Abstract.** One of the little-known pages of domestic journalism is the elucidation of the positive role and significance of the diocesan press of the Russian Orthodox Church in the formation, strengthening and development of Belarusian culture, statehood and national identity. Western ideologists and opposition forces are trying to downplay the significance of this page in Belarusian history. The author of the article, based on specific facts, relying on historical documents and publications of diocesan publications, restores the truth: he proves the positive role of the Orthodox press in the development of self-awareness of Belarusians and their national culture. For the first time, the “Belarusian question” was most openly raised in the publications of diocesan bulletins of the North-Western Territory (second half of the 19th – early 20th centuries).*

***Keywords:** Belarusians, Belarusian language, Orthodoxy, diocesan statements, national culture, education.*

УДК 80

НЕКОТОРЫЕ ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ СТУДЕНТАМИ ПРИ ЧТЕНИИ И ПЕРЕВОДЕ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ (ИЗ ОПЫТА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ-НЕЛИНГВИСТА)

А.А. Ковалёв, кандидат исторических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет, кафедра иностранных языков
(Москва), Российская федерация

***Аннотация.** В статье перечисляются выявленные в ходе практической работы со студентами типичные ошибки многих из них: (1) орфография и пунктуация, (2) фонетика, (3) слабое знание грамматических категорий, (4) перевод, или понимание текста в целом. Помимо этого рассматриваются общие проблемы, так или иначе связанные с этими ошибками и преподаванием языка в целом. Упомянув недостатки, автор предлагает некоторые способы их устранения.*

***Ключевые слова:** преподавание английского языка, орфография, фонетика, ошибки перевода, общий культурный уровень.*

Преподавать английский язык автор начал в ИВКА (Институте восточных культур и античности) РГГУ, перейдя впоследствии на общеуниверситетскую кафедру иностранных языков. Студенты, поступающие на востоковедные специализации ИВКА РГГУ, порой сильно различаются уровнем подготовки по английскому языку и навыками его использования, хотя в целом производят скорее благоприятное впечатление, чем наоборот. Впрочем, это в целом относится и к студентам на других факультетах университета, как и все нижеизложенные наблюдения.

Как правило, в относительно большой группе в ходе занятий выделяется (1) самое многочисленное ядро «средняков» (или «хорошистов»); (2) явные лидеры (1-2 человека), прекрасно справляющиеся со всеми типами текстов почти без проблем; (3) явные «аутсайдеры», примерно в таком же количестве, что и лидеры, – студенты, читающие с ошибками каждое второе, а иногда – и буквально каждое, слово и способные, в лучшем случае, понять лишь общее содержание прочитанного. Бывают и более экзотические случаи: хорошее чтение при трудностях с переводом, ужасное чтение при правильном понимании текста, но при этом с корявым переводом на русский и т. п.

В маленьких группах распределение бывает не столь симметрично и предсказуемо.

Общие недостатки, часто присущие нынешнему студенту, связаны не столько с вузовским образованием, сколько со всеми теми явлениями современной жизни, – включая, увы, и далеко не идеальное школьное обучение, – что формируют будущего студента как личность к моменту его поступления в ВУЗ. Вопрос о них слишком важен и сложен, чтобы обсуждать в этой небольшой работе. Это тема для серьезнейшего исследования и, что важнее, – поле для трудной и крайне необходимой практической деятельности. Итак, из этих общих недостатков можно назвать следующие.

1. Узкий кругозор, ограниченный круг интересов и низкий общий уровень развития, что сказывается на понимании прочитанных текстов разного содержания. Неполное или неправильное понимание связано здесь с незнанием культурно-исторических реалий, упоминаемых в тексте или важных для его смысла. Данная группа недостатков часто связана явно выраженным безразличием к самому предмету (см. ниже).

2. Заикленность на продуктах «массовой культуры» – в первую очередь фильмах (главным образом, сериалах) и комиксах, – что имеет неоднозначный эффект. С одной стороны, если данная продукция воспринимается на английском, она значительно способствует усвоению языка в его самой непосредственной, бытовой и разговорной форме. С другой стороны, сосредоточенность на *самом современном* материале препятствует восприятию более глубоких, классических пластов культуры (знакомство с которыми необходимо для правильного понимания текстов самых разных жанров) или же заставляет смотреть на них сквозь сериально-комиксную призму.

3. Плохое владение некоторыми студентами *русским* языком, особенно рельефно проявляющееся как при корявых переводах английских фраз, так и при косноязычных формулировках собственных мыслей. Связано с пунктом 1 (см. выше).

4. Явное безразличие к предмету в сочетании со столь же явными пробелами в воспитании и неумением надолго сосредоточить свое внимание на каком-либо предмете (неустойчивость и дефицит внимания). И то, и другое часто связано с недостатками, упомянутыми в пункте 1 (см. выше).

Если отвлечься от затронутых выше глобальных аспектов, в целом представляется, что почти все означенные недочеты «лечатся» только одним – постоянным чтением на языке серьезной общей и специальной (или, для начала, хотя бы художественной, чтобы как-то стимулировать интерес учащихся) литературы в значительных объемах. Вспомогательную роль может играть просмотр фильмов или сериалов на языке – для начала с субтитрами (на английском же), а потом и без них. Это поможет и выработке правильного произношения, и соотнесению написания с произношением, что формирует грамотность в целом. Такой просмотр, конечно, должен быть регулярным и последовательным, но при этом не занимать слишком много времени. Если говорить об экономии времени, то по пути в университет (школу, институт и т.п.) можно также слушать аудиокниги вместо, например, малоинформативной и порой отупляющей современной музыки. Достать аудиокнигу в наше время нетрудно.

Перейдем, однако, к более конкретному предмету – типам ошибок, совершаемых студентами при чтении текстов. Их можно разделить на три группы: (1) фонетические, (2) грамматические (в основном синтаксические) и (3) смысловые и стилистические (ошибки перевода и понимания). Можно выделить и еще одну группу ошибок – орфографические. Однако, учитывая «прелести» английской орфографии, они столь многочисленны и многообразны, что рассматривать или как-то классифицировать их здесь нет никакой возможности.

1. Фонетика

Неправильное прочтение слов и/или отдельных букв и буквосочетаний – явление нередкое, особенно в таком языке, как английский, где написание довольно слабо связано со звучанием. Здесь выделяются следующие группы ошибок. (При передаче английских звуков используются символы, принятые в британской транскрипции.)

1.1. Неумение произносить звуки, отсутствующие в русском языке:

1.1.1. Регулярная передача межзубных английских [θ] и [ð] как, соответственно, русских *с* и *з*.

1.1.2. Артикуляция альвеолярных английских [t] и [d] как русских *т* и *д*.

1.1.3. Регулярное прочтение английского [w] как русского в. В качестве странной противоположности (или подвида?) данной ошибки можно упомянуть иногда встречающееся произношение губно-зубного английского [v] как [w] или как некоего звука, варьирующегося между [w] и [v].

1.1.4. Неразличение при чтении кратких и долгих гласных, в особенности [ɪ] и [i:], которые отличаются в известных автору вариантах английского не только количественно, но и качественно. В исполнении наших студентов обе фонемы часто звучат как русское и, что ближе к английскому долговому звуку.

1.2. «Пополнение» английской фонетики за счет русских звуков, или проблемы с «античным наследием»:

Данная проблема чаще всплывает при прочтении слов греческого и латинского происхождения, которые читаются по аналогии с их русскими эквивалентами: *psychology* [saɪ'kɒlədʒi] становится *психолоджи*, *process* ['prəʊses] – *процесс* и т. п. Таким образом английская фонетика «пополняется» звуками х и ц, которые для нее, в общем-то, не характерны – если не считать шотландского [x] в слове *loch* («озеро») и некоторых междометий (например, *ugh* [ʊx]), и тех случаев, когда за [t] следует [s] (что не делает *ц* самостоятельной фонемой в английском). Эта группа ошибок также связана со следующей.

1.3. Незнание ряда правил чтения:

Продолжая тему слов греческого происхождения, мы переходим к особенностям произношения в английском некоторых консонантных кластеров, а точнее, к их *непроизношению*. Так, в начале слов сочетания *ps* (*psychology*) и *pt* (*Ptolemy*) и буква х (*xylophone*) читаются в английском не как сочетания согласных, а как одиночные согласные – соответственно, [s], [t] и [z]. Однако в исполнении студентов они – всё те же *nc*, *nm* и *kc*.

Кроме того, иногда неправильно читаются буквосочетания и в прочих словах: *sc* перед *e* читается как [sk], тогда как *cc* перед тем же *e* звучит как [s] (скажем, *accept* озвучивается как *асэпт*) и т. п.

Еще одна ошибка – чтение «немых» согласных в ряде буквосочетаний, например, *scl* (*muscle* читается *маскл* вместо ['mʌsəl]), *stl* (*bristle* – *брустл* вместо ['brɪsəl]), а также *mb* (*dumb* читают *дамб* вместо [dʌm]) и *mn* (*hymn* – *химн* вместо [hɪm]) в конце слов.

Сюда же можно отнести и неправильные ударения во многих словах – весьма распространенная ошибка, от которой не совсем свободен и сам автор.

Есть и другие ошибки, но перечислить их полностью едва ли возможно. Поэтому перейдем к следующему разделу.

2. Грамматика

Грамматические ошибки встречаются часто; иногда они вполне ожидаемы, а порой и непредсказуемы. Из всего их многообразия здесь хотелось бы выделить лишь два аспекта: правописание и синтаксис.

Правописание

Английское правописание (пресловутый *spelling*) издавна славится своей трудностью, что служит источником многочисленных шуток (например: «Пишется *Liverpool*, а читается *Manchester*» и т. п.)¹, а порой и проектов реформы орфографии. Справедливости ради надо сказать, что затруднения с правописанием испытывают даже многие относительно грамотные англоговорящие, уже не говоря о значительном количестве безграмотных в странах английского языка, что вызвано не в последнюю очередь именно особенностями орфографии. Всё это, тем не менее, не означает, что студент не должен работать над своим правописанием и совершенствовать его. Более того, зачастую носитель иного языка осваивает английскую

орфографию лучше англоговорящего за счет того, что первый сначала знакомится с *письменной* формой английского, а затем уже осваивает устную (или же оба эти процесса происходят параллельно), тогда как для второго устная речь – изначальная и важнейшая форма языка, рискующая остаться единственной по причине слабой соотносимости с правописанием.

Вернемся, однако, к практике занятий. Орфографические ошибки выявляются главным образом при написании студентами письменных упражнений и, в особенности, диктантов. Если в случае с последними винить можно не только студентов, но и возможные «фефекты фикции» преподавателя (чего лично автор всячески старается избегать), то в письменных упражнениях, где часть работы сводится к переписыванию напечатанных здесь же слов, ошибки делают именно студенты. Они почему-то не всегда могут переписать без ошибок слово, напечатанное четким шрифтом строкой выше. Результаты проверки диктантов – один из критериев, позволяющих разделить ту или иную группу на три категории студентов, упоминающихся в самом начале работы. Лидеры неудивительным образом справляются с диктантами лучше всех, тогда как «ляпы» представителей прочих подгрупп бывают порой эпичны.

Вдобавок к слабой начитанности студентов, дурную службу здесь сослужила и «остроумная» практика сокращения и коверканья слов в вездесущих СМС-ках: *B Cing U* (= *Be seeing you*), *4 U* (= *For you*), *2 U* (= *To you*) и т. п. Всё это никак не способствует усвоению и закреплению навыков правописания.

Синтаксис

Порядок слов в русском предложении гораздо свободнее, чем в английском. Однако это не мешает многим студентам рабски следовать порядку слов в оригинале. Наблюдая за тем, как они пытаются переводить трудные места, автору иногда казалось, что они в принципе неспособны переставить слова местами и испытывают почти физические мучения, подыскивая сколько-нибудь приемлемые способы перевода фразы с неизменным порядком слов.

Приведем некоторые примеры. *This tenth-century epic* превращается в «этот десятивековой эпос» (вместо «этот эпос десятого века»). *The literacy rate* может оказаться «грамотной (или даже литературной) скоростью», а вовсе не «процентом/уровнем грамотности», так как, во-первых, никак невозможно понять, что имеется в виду *the rate of literacy* (слова ведь *нельзя* переставлять!), а, во-вторых, первое значение слова *rate* во многих словарях — «скорость», а дальше мы не смотрим, мы и так утомились (о буквализме см. ниже).

3. Ошибки перевода

Некоторые общие соображения

Нежелание работать

Начнем с вопиющих фактов. По сообщениям некоторых коллег (не будем здесь называть ни фамилий, ни групп), получив домашнее задание по переводу текста, многие студенты цинично пользуются программой Google Translate, причем полученный результат они *никак не обрабатывают*, оставляя перевод в чудовищно нелепом виде, приданном ему программой, вместо того, чтобы придать ему мало-мальски приличный и читаемый вид. Вполне возможно, что они даже не просматривают его. Надо сказать, что на собственном опыте автор такого не наблюдал – возможно потому, что не дает заданий на дом.

(Не)понимание контекста

Серьезным препятствием при переводе текстов – особенно со сложной лексикой – является неумение улавливать их общий смысл по контексту, что ставит читающих в тупик при встрече с почти любым незнакомым словом. Поняв общий смысл, читатель мог бы

довольно точно догадаться и о значении нового для него слова, тогда как на практике этого часто не происходит. Это особенно важно при работе с английским языком: его история сложилась так, что он стал своего рода «свалкой» разношерстной лексики, впитав в себя на разных этапах развития целые пласты иноязычных заимствований – туземных кельтских, греческих и латинских (непосредственно и через французский язык), европейских и ближневосточных, индийских и китайских. В итоге получился современный язык с богатейшим словарным составом, прекрасно подходящий как для научных и технических текстов (богатейший технический лексикон греко-латинского и современного происхождения), так и для художественных произведений, передающих тонкие оттенки мысли и чувств (лексика из разных стилистических пластов и обширный спектр синонимов, различия между которыми не всегда улавливают и носители языка). Учитывая эту особенность английского, можно понять, что овладеть *всем* его словарным запасом практически невозможно, хотя стремиться к расширению своего лексикона, безусловно, надо. Вот здесь и приходит на помощь контекст, навык работы с которым вырабатывается только при постоянном чтении, которое в наше время скорее редкость, чем общая практика. Есть, конечно, и другие факторы, помогающие понимать контекст, – жизненный опыт (у студентов начальных курсов, как правило, еще небольшой), широкий кругозор (здесь чтение опять-таки приходит на помощь), хотя бы какой-нибудь интерес к занятиям (зависит скорее от внешних обстоятельств – жизненной позиции и даже самочувствия и настроения учащихся в момент работы над текстом) и т. п.

Буквализм и прочее

Одной из серьезнейших общих ошибок перевода и понимания текста является его буквальное толкование. На замечание, что так переводить не принято или что так по-русски не говорят наиболее несгибаемые «буквалисты» отвечают, что они-де переводят «близко к тексту». В частности, подобному насилию подвергаются фразовые глаголы. Так, выражение *to track down* следует, по мнению буквалистов, переводить «проследить вниз» и т. п. Едва ли надо объяснять, что такой подход приводит к появлению совершенно бредовых, порой непроизносимых переводов. И всё же есть люди, которым это непонятно. Это в какой-то мере опять выводит нас на проблему незнания не только английского, но и родного – русского – языка.

Примером может послужить и деятельность иных переводчиков – бывших, вероятно, не самыми блестящими студентами – в кинематографе и на ТВ. Приведем лишь один образчик. В чрезвычайно популярном в свое время сериале «Зачарованные» (*Charmed*, 1998-2006) есть одна из бесчисленных сцен, где сестры-ведьмы уничтожают очередного демона. Фиби при этом говорит: *He's gone for good* («Он исчез навсегда»). Телевизионный перевод: «... он сгинул ради добра»². Комментарии излишни.

Общая закономерность, присущая многим ошибкам перевода, позволила бы назвать их «ошибками первого значения» – зачастую студент запоминает самое начало словарной статьи, дающей все (или наиболее распространенные) значения того или иного слова. Просматривать остальные значения ему некогда или неинтересно; для такой стратегии «изучения» слова можно подыскать множество причин и поводов, а результат все равно один – поверхностное знакомство с данной лексической единицей. Поэтому даже в простых случаях часто допускаются совершенно «детские» ошибки в переводе слов и выражений, знакомых – казалось бы – с младших классов средней школы.

Напоследок приведем несколько конкретных примеров. Они сочетают в себе буквализм и «ошибку первого значения».

I mean

Буквальное значение: «я имею в виду» или «я подразумеваю». Студенты *всегда* переводят это выражение именно как «я имею в виду». Однако, если формально они правы (и то не всегда: так, *I mean it* скорее означает «я всерьез» или «я не шучу»), то стилистически было бы правильнее перевести «то есть» или «в смысле». Данное выражение часто употребляется в обычном разговоре, когда человек уточняет или поправляет сам себя, желая смягчить только что сказанное или с другой целью. Конечно же, в обычной беседе на русском языке довольно редко говорят «я имею в виду». Приведем один забавный пример: *Attention, media whores! Uh ... I mean esteemed members of the press* (в смягченном переводе: «Внимание, продажные журналюги! В смысле – уважаемые работники прессы»)³.

it

Это злополучное слово переводится как «это», а также как «он, она, оно (о неодушевленных предметах, маленьких детях и животных)», а также вовсе не переводится в безличных оборотах типа *It was drizzling again* («Опять заморосил дождь»). Стоит ли говорить (в свете вышесказанного), что наши уважаемые студенты практически *всегда* выбирают первый из этих переводов? Он же ... первый! В результате, перевод иногда становится полностью непонятным, причем часто теряется связь с предшествующим текстом. Пример: ... *the dragon moved as though it was idly sculling through the air. ... It floated, not flew. ... "Follow it!" shouted Lady Ramkin* («... дракон двигался как бы праздно скользя по воздуху. ... Он плыл, а не летел. ... – За ним! – прокричала леди Рамкин»)⁴. Типичный студенческий перевод: «... дракон двигался как будто праздно скользя по воздуху. ... Это плыло, не летело. ... – Следуйте за этим! – закричала леди Рамкин». К сожалению, подобные переводы иногда исходят и от прилежных, в целом хороших студентов.

there is / there are и т. п.

«Школьный» оборот, по идее известный учащимся с самого первого года изучения английского в средней школе. Обозначает наличие или присутствие чего-либо. *There is a chair in the room*: «в комнате есть (имеется) стул». Почему *there* надо непременно во всех случаях переводить как «там», понять рациональными средствами невозможно. Разве что потому, что он ... идет *первым* в словаре!

why

Часто используется в качестве восклицания, т. е. междометия, выражающего удивление, негодование или нетерпение. Может переводиться по-разному или вовсе не переводиться в зависимости от контекста. Например: *Why, you little...!* («Ах ты мелкий...!»; фраза, адресуемая Гомером Симпсоном своему сыну Барту во многих сериях известного мультсериала *The Simpsons* – «Симпсоны»). Кроме того, в других контекстах *why* может означать «А что?» или «А в чем дело?» (например: *Are you busy? – No, why?*, т. е. «Ты занят?» – «Нет, а что?») Однако, поскольку в словаре первым стоит значение «почему», оно неизменно и идет в дело при переводе в этих случаях. Иногда даже когда перевод делают не студенты, а наши «профессионалы» с телевидения или киноиндустрии.

* * *

В заключение скажем, что подобным и иным ошибкам несть числа и что «на ошибках учимся». И еще раз: только регулярное чтение поможет освоить по-настоящему язык и непрестанно совершенствоваться в нем тем, кто действительно стремится к этому.

Примечания

1. На эту же тему можно вспомнить шутку о том, что слово fish надо писать ghoti на основании того, что gh читается как [f] в слове cough, o читается как [ɪ] в слове women, а ti читается как [ʃ] в слове nation (шутка часто приписывается Дж. Б. Шоу). См. также вымышленную, но поучительную историю «8. Удивительные приключения мистера Айвеноу» из IV главы классической популярной книги Л. В. Успенского: Успенский Л. В. Слово о словах. М.: Молодая гвардия, 1957, С. 146–150. Об этом же говорил наш великий востоковед И. М. Дьяконов, полушутя называя письменный английский «идеограммами», передающими скорее значение, чем звучание.

2. Для любителей точности: сезон 3, серия 17.

3. Источник: «Женаты с детьми» (Married... with Children, 1987–1997), сезон 10, серия 9.

4. Terry Pratchett. Guards! Guards! (электронная книга).

Материал поступил в редакцию 19.11.23

SOME TYPICAL MISTAKES MADE BY STUDENTS WHEN READING AND TRANSLATING ENGLISH TEXTS (FROM THE TEACHING EXPERIENCE OF A NON-LINGUIST)

A.A. Kovalev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Russian State University for the Humanities, Department of Foreign Languages
(Moscow), Russian Federation

Abstract. *The article lists the typical errors identified during practical work with students: (1) spelling and punctuation, (2) phonetics, (3) poor knowledge of grammatical categories, (4) translation, or understanding of the text as a whole. In addition, general problems are considered, one way or another related to these errors and the teaching of the language as a whole. Mentioning the shortcomings, the author suggests some ways to eliminate them.*

Keywords: *teaching English, spelling, phonetics, translation errors, general cultural level.*

УДК 81

ЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

К.А. Кольцова, кандидат филологических наук, преподаватель
Уральский государственный университет им. А.М. Горького
(620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51)

***Аннотация.** Автор статьи рассматривает проблему значений цветоименований в английском и русском языках. Исследуются сходства и различия использования определенных цветов в устойчивых сочетаниях в русском и английском языках, что позволяет выделить общие микросистемы символических значений в обоих языках.*

***Ключевые слова:** цветоименования, европейские языки, английский язык, русский язык, черный, белый.*

В лингвистике символ определяется как «то, что служит условным знаком какого-нибудь понятия, чего-нибудь отвлеченного», таким образом, символикой является «символическое значение, приписываемое чему-нибудь» или «совокупность каких-нибудь символов».

Выделяют различные виды символов. С одной стороны, символ – это «концентрированная условная абстрактная форма отражения и фиксации научных (или религиозных) знаний человека при помощи стилизованного знака», с другой – существуют символы незнакового порядка, то есть «обозначение абстрактных понятий через что-либо конкретное, свойства которого настолько хорошо известны, что ассоциация с ним дает возможность очень четко представить и символизировать им понятие, сделать его предельно наглядным, выразительным».

У большинства народов отношение к белому и черному цветам сходно. И это понятно: белый цвет – цвет дня, черный – цвет ночи. Отсюда и связь белого цвета с добром, а черного – со злом.

Белый цвет почитался еще древними римлянами, о чем свидетельствует латинское выражение

Белый – символ мира (белый голубь, белый флаг, white dove, white flag). Поэтому белый флаг является знаком готовности к миру вследствие капитуляции, сдачи в плен. Это символическое значение отражается также в знаке Международной женской христианской организации (белая лента).

Черный цвет в обоих языках имеет ярко выраженную негативную коннотацию и соотносится с такими понятиями, как «неудача», «зло», «тоска». Прилагательное “black” означает “черный”, “секретный”, “злой”, “нелегальный” (“black money” – “грязные деньги”, “black market” – “illicit traffic in rationed, prohibited or scarce commodities”, “blackmail” – “extortion of payment in return of silence”, “a black-bag job” – “an illegal clandestine entry into somebody’s premises by a law enforcement agency or a private detective”).

Хотя в природе, окружающей человека, черный цвет не преобладает, издревне все антагоничные понятия, как-то – добро и зло, радость и горе, смерть и жизнь обозначались черным и белым. Черный цвет поглощает все остальные цвета и негативно воздействует на психику, настроение человека, но, возможно, именно эта ярко выраженная негативная энергия и стала причиной того, что в мышлении человека с черным цветом прочно связалось все плохое, безрадостное. В русском народном языке слово “черный” обозначает нечто

старое, грязное, незавершенное, лишённое блеска: черная старуха, чернавка, черный ход, черный пол, черновик; а также мрачное и невеселое: черный юмор, “пить по-черному”.

Магическая символика черного цвета: черная магия, демонизм, колдовство.

Магические ритуалы были неотъемлемой частью культуры всех времен и народов. К черной магии причисляли вызывание духов мертвых, убийство или наведение “порчи” на расстоянии, внушение любовной страсти или ненависти.

Этические характеристики: гордыня, тайная зависть, греховность, злоба, подлость, мстительность. Черный – это цвет палачей, убийц, пиратов; известны выражения “черная неблагодарность, черная злоба и т.д.”

Язык ритуалов: похороны, свадьбы, оккультные обряды.

Знаки, символы: знак смерти на флагах анархистов, пиратов, знаки неонацистов – свастики, черные рубашки; черный лоскут в британском суде — знак смертного приговора, траурный костюм в Европе, черная ряса — знак монашества.

Но, как это ни покажется странным, в языке геральдики черный цвет имеет позитивное значение — он означает благоразумие, мудрость, постоянство [8, с. 114]. Герб в Средневековье являлся средством идентификации его носителя как на поле битвы, так и в мирной жизни, следовательно, он мог включать в себя только положительные элементы, чтобы выгоднее представить его владельца, и традиционный символизм черного цвета поэтому потерял свое значение в геральдике.

Вообще метафорические значения белого и черного цветов в русском языке совпадают с английским: черная душа, черная весть, черный день, черный глаз, черный враг. Интересное культурное различие, обусловленное, по-видимому, климатом: русские откладывают, берегут что-либо жизненно важное на черный день, а англичане – на дождливый: *against a rainy day*.

Даже когда “white” сочетается с существительным, явно обозначающим нечто плохое, “white” смягчает, облагораживает негативное значение последнего: “white lie” – ложь во спасение, морально оправданная ложь.

Древнейшие символические значения белого в русском и английском языках в основном позитивны: благо, радость, чистота, невинность, честность.

Белый – цвет благородства, знатности, величия, привилегированности. Поэтому и символы государственности включают этот цвет. “White Rose” эмблема Йоркского королевского дома, “Whitehall(Palace)” – резиденция британского правительства или само правительство, “Whitehall Street” –улица в Лондоне, где располагаются государственные учреждения, “The White House” – резиденция правительства США или само правительство, “white-collars” – служащие компаний (которые не заняты физическим трудом), “white paper” – правительственное сообщение, “white-tie” – правительственный прием (из-за правила появляться на нем в белом галстуке), “white knight” – спаситель; лицо или компания, которые инвестировали другую компанию, чтобы спасти ее. Белый – это цвет мира, спокойствия: “show/fly the white flag” – сдаться; показать мирные намерения и добрую волю; “white alert” – отбой воздушной тревоги; сигнал, что опасность миновала; “to stand in a white sheet” – публично каяться.

Но у белого есть и негативные значения: болезнь, страх, испуг, одиночество, волнение: “to be/look white as sheet (ghost, death)” – очень сильно побледнеть (обычно от страха или волнения); “to be white-hot” – быть разъяренным, доведенным до белого каления; “white-knuckle ” – событие или путешествие, которое вызывает сильное волнение из-за его опасности. Этот цвет может так же означать трусость: “white feather/liver” – трус. Цветовой компонент “white” помимо значения “белый”, также ассоциируется с прилагательным “чистый”, “непорочный”, “бледный”, “снежный” (“a white wedding” – “свадебная церемония, все атрибуты которой подчеркивают непорочность невесты”, “white light” – “честное, беспристрастное суждение”, “a white hope” – “a person expected to achieve much”).

Белый цвет был многозначным символом во все времена и у всех народов. Главное и исходное его значение — свет. Белый тождествен солнечному свету, а свет — это божество, благо, жизнь, полнота бытия. Символические значения белого: полный покой, безмятежность, мир, тишина, чистота, пустота, целомудрие, девственность, сосредоточенность. Магическое действие — белая одежда и окраска — средство, способствующее очищению, удаче в войне (у примитивных племен), долгой жизни, здоровью, благу.

Язык общения с богами и духами — белые одежды богов, ангелов, святых, праведников в раю, одежды слугителей в православной и католической церкви, белая окраска христианских храмов.

Язык ритуалов – белые одежды надевают во время праздников крещения, причастия, Рождества Христова, пасхи, Вознесения, освящения храмов. Белым был и основной цвет королевских регалий.

Употребление каждого конкретного слова приобретает значимый характер только в связи с другими словами: только находясь в разнообразном общении с другими единицами лексической системы, оно реализует свои возможности, и, прежде всего, возможности семантического развития. Лексические связи слова – это и указатель норм словоупотребления, и дополнительное средство его стилистической характеристики. Лексико-семантические парадигмы в каждом языке достаточно устойчивы и не подвержены изменениям под влиянием контекста. Однако семантика конкретных слов может отражать особенности контекста, в чем также проявляются системные связи в лексике.

Прежде чем провести анализ лексической сочетаемости указанных колороморфов в английском и русском языках, считаем необходимым проанализировать семантическую структуру колороморфов *black* и *черный*.

Изучив данные англоязычных и русскоязычных словарей, и проанализировав многочисленные источники художественной литературы на русском и английском языках, нами были выявлены существительные, которые наиболее часто употребляются с прилагательными “*black*” и “*черный*”. Эти существительные мы разбили на следующие лексико-семантические группы (ЛСГ): *artifacts, clothes* (артефакты, одежда), *people* (люди), *times of a day* (время суток), *parts of a human body* (части тела), *food and drinks* (еда и напитки), *metals and minerals* (полезные ископаемые), *fauna* (фауна), *natural phenomena* (явления природы), *documents and papers* (служебные и личные документы, деньги), *areas* (места), *abstract nouns* (абстрактные существительные), *diseases* (болезни).

Проанализировав примеры с предложенной ЛСГ, мы выявили следующую комбинаторику: английский язык – *hair, hand, eye, eyelashes, eyebrows*; русский язык – волосы, ресницы, очи, брови. Словосочетания “*черные волосы*”, “*черные ресницы*”, “*черные брови*” являются универсальными для английского и русского языков. Специфичным для русского языка является устаревшее словосочетание “*черные очи*”. “*Black Hand*” в английском языке называют секретную террористическую организацию в США. Данное выражение специфично для английского языка.

Данную группу составляет сочетаемость с такими существительными как *black knot, measles, death, lung*. Универсальным для обоих языков является сочетание “*черная смерть*”. Специфичными для английского языка являются сочетания “*black knot*”, “*black measles*”, “*black lung*”.

Для анализа семантической структуры прилагательного *white* мы обратились к словарю: “*Longman Dictionary of Contemporary English*” (LDCE).

Изучив данные англоязычных и русскоязычных словарей, и проанализировав многочисленные источники художественной литературы на русском и английском языках, нами были выявлены существительные, которые наиболее часто употребляются с прилагательными “*white*” и “*белый*”. Эти существительные мы разбили на следующие лексико-семантические группы (ЛСГ): *artifacts, clothes* (артефакты, одежда), *seasons and times*

of a day (времена года и время суток), people (люди), parts of a human body (части тела), food and drinks (еда и напитки), metals and minerals (полезные ископаемые), fauna (фауна), documents (документы), abstract nouns (абстрактные существительные), areas, zones (места, зоны), diseases (болезни).

Проанализировав примеры с предложенной ЛСГ, мы выявили следующую комбинаторику: английский язык – white night; русский язык – белый день, ночь, зима. Специфичными для русского языка являются сочетания “белый день”, “белая зима”.

Проанализировав примеры с предложенной ЛСГ, мы выявили следующую комбинаторику: английский язык – hair, face; русский язык – волосы, руки. Сочетание “белые руки” является специфичным для русского языка, которое характеризует человека, не привыкшего к труду.

КФ VII: white +N(documents)

“White book is an official publication of a national government.”

“White paper is a government report.”

Сочетаемость с этой ЛСГ характерна только для английского языка – white paper, white book.

КФ VIII: white +N(abstract nouns)

“These efforts were frequently negated by desegregation orders that resulted in "forced busing" and white flight.” (Leary, William., p. 10)

“I could see that Montgomery had one of those slow, pertinacious tempers that will warm day after day to a white heat, and never again cool to forgiveness.” (Wells, H.G., p. 31)

“Republicans are struggling right now to find the great white hope,” Jenkins said last week.”

“She thought she had a good deal of the coquette in her, and I 've no doubt that with time and training she would have become a very dangerous little person, but now she was far too transparent and straightforward by nature even to tell a white lie cleverly.” (Alcott, Louisa May., p. 55).

“Suddenly the moon burst through a rift in the clouds and, himself in the shadow of a group of great oaks, the horseman saw the footman clearly, in a patch of white light.” (Bierce, Ambrose).

Данную группу составляет сочетаемость с такими существительными как white sale, flight, lie, light, noise, hope, heat в английском языке. Выражение “white man’s burden”, специфичное для английского языка, означает “бремя белого человека”. “White sale” – распродажа постельного и столового белья. Данные выражения специфичны только для английского языка.

КФ IX: white +N(areas, zones)

“Thus, it produced not a black hole event horizon, but its opposite, called a white hole.” (Castelvecchi, Davide / Science News., p. 9)

“Three days of torment passed in the big, echoing white rooms.” (Kipling, Rudyard., p. 39)

“Use generous amount of white space. White space is very crucial in e-mails.” (Jennifer Perez., p. 12)

Сочетаемость с существительными указанной ЛСГ свойственна только для английского языка – white space, room, hole. Сочетание “white room” означает чистое помещение.

КФ X: white +N(diseases)

“The White Plague had come to the home in Edinburgh and taken away his two brothers.” (Casson, Herbert N., p. 55)

Сочетаемость в данной группе характеризуется следующими коллокациями в английском языке – white plague. Данное сочетание специфично для английского языка.

В каждом из сопоставляемых языков выделяются устойчивые словесные комплексы, понятные только в рамках данной культуры.

С конца 1980-х годов значительные результаты в изучении языковой концептуализации цвета были получены американским исследователем Р.Маклори. Согласно разрабатываемой им теории “позиционирования” (vantage theory), категоризация цвета

определяется тем, что носители языка считают более существенным – сходство некоторого оттенка с ему подобными или противопоставление этого оттенка “по контрасту”.

При выявлении национально-культурной специфики переосмысления анализируемых цветов в различных лингвокультурах, целесообразнее основываться на анализе фразеологических единиц и паремиологического фонда сопоставляемых языков.

Как и все фразеологизмы, фразеологические единицы, включающие элемент цветообозначения, передают какую-либо оценку, мысли и чувства человека. Переосмысление черного цвета происходит в следующие сферы, в которых значение цвета часто утрачивается.

Универсальной для обоих языков является переосмысление в такие сферы как “одежда, детали одежды”, “сквернословие”, “зло, коварство, зависть, подлость”, “мрачный юмор”.

одежда, детали одежды: the black belt – черный пояс

“Чёрный пояс — синоним звания “дан” в японских и корейских боевых искусствах” (Яги Мэйтоку., с. 67). – “In martial arts, the black belt is a way to describe a graduate of a field where a practitioner's level is often marked by the color of the belt.” (<http://ru.wikipedia.org/>)

сквернословие: -ругать черными словами/ по-черному – сквернословить;

“Щемящее чувство свободы, запах костров и страстные объятия. Или же опасные глаза, черное слово вслед, врожденное желание украсть...” (Комсомольская Правда, № 73, 2007).

-black word (черное слово) – нецензурная брань;

зло, коварство, зависть, подлость: черная душа/сердце – black heart/soul – коварный, способный на низкие поступки человек.

“Настасья Филипповна будто бы в высшей степени знает, что Ганя женится только на деньгах, что у Гани душа черная” (Достоевский., с. 78.) – “She had black heart and she hated everyone.” (W. S. Maugham., p. 57).

- черная неблагодарность – black ingratitude (экспрессив.) – зло, коварство вместо признательности за добро; “It was Black ingratitude.” (W. S. Maugham., p. 39);

-черное дело – black business/ deal/ deed (черное дело, сделка, поступок) – преступление, коварный поступок; “The pirates' black deeds.” (John Drake., p. 76)

мрачный юмор:

-черная комедия – англ. black comedy – мрачная комедия;

-черный юмор – англ. black humor – мрачный юмор;

“Чёрный юмор — юмор с примесью цинизма, комический эффект которого состоит в насмешках над смертью, болезнями, физическими уродствами”. (<http://ru.wikipedia.org/>)

Для английского языка специфичной также является сочетаемость с колоромофов с именами собственными, ставшими нарицательными, а также с абстрактными существительными “зло, коварство, зависть, подлость”.

-the Black Maria (черная Мария) – тюремный автомобиль, полицейская машина (для перевозки арестованных);

“The policeman took the three suspects to the police station in a Black Maria.” (W.S. Maugham., p. 13).

-black treason (черная измена) –подлая измена;

-black vengeance (черная месть) – коварная месть;

-black purpose (черная цель) – неблагоприятная цель;

-black guard (черная стража) –подлец, мерзавец, бездельник, негодяй;

-black hand (черная рука) – шайка бандитов;

-to give someone a black look (бросить на кого-л. черный взгляд) – посмотреть на кого-л. со злостью;

“He gave me a black look.” (R. Macdonald., p. 65)

Специфичной для русского языка является сочетаемость с такими существительными, описывающими негативные стороны действительности, для которой свойственны зло, коварство, зависть, подлость, мрачный юмор.

-черный ворон(ок) – машина, на которой увозили ночью арестованного; Ибо каждый русский знает, что такое "черный ворон" – машина, увозящая людей в смерть (К. Симонов., с. 28).

-черный глаз – недобрый, дурной, завистливый взгляд; глаза, наводящие взглядом порчу, выражение связано с народным поверьем о "порче глазом" "Фимушка смертельно боялась духовных лиц; у них, по ее приметам, глаз был черный". (Тургенев., с. 45)

-черные силы – силы зла;

"Черные силы тьмы". (Александр Раков., с. 23)

-черная клевета – низкая клевета;

-черные люди – непорядочные люди;

-черный анекдот – мрачный анекдот.

Что касается белого цвета, то его переосмысление происходит в следующие сферы: "характеристика внешности человека", "эмоциональное и физическое состояние человека", "атрибуты, связанные с войной, военной службой, вооружением, стрельбой", "исключительные, феноменальные, перспективные способности человека", "расовая/расистская характеристика человека", "волшебство, магия", "социальный статус человека, его работа", "болезни, пороки человека и общества (проституция)".

характеристика внешности человека:

-белый как бумага – англ. as white as a paper

-белый как мел – англ. as white as chalk;

"He was white as chalk". (Robert Penn Warren., p. 47)

-белый как смерть – англ. (as) white as death;

эмоциональное и физическое состояние человека:

-англ. white-hot (горячий добела) – доведенный до белого каления – вышедший из себя.

"Его довели до белого каления." (Стругацкие., с. 58)

атрибуты, связанные с войной, военной службой, вооружением, стрельбой:

-белый билет – англ. white ticket – удостоверение о физической непригодности к воинской службе.

"Белый билет — разговорное обозначение военного билета для тех, кто негоден к военной службе по состоянию здоровья и/или в силу иных причин не служил в армии". (<http://ru.wikipedia.org/>)

исключительные, феноменальные, перспективные способности человека;

-белая ворона – англ. white crow – человек, резко выделяющийся чем-л. среди окружающих его людей, отличающийся чем-л., не похожий на них.

"She had her own individuality, she was white crow" (R. Macdonald., p. 89.)

"Она была белой вороной. Но люди любили ее даже такой." (Диана Исламова., с. 68)

расовая/расистская характеристика человека:

-белая раса – англ. white race (белая раса) – люди европейской расы;

-белый мусор – англ. poor white trash;

-белая беднота – англ. poor whites;

"Белая беднота – белые, но бедные и необразованные люди". (<http://ru.wikipedia.org/>)

волшебство, магия:

-белая магия – "положительное" влияние "высших", потусторонних, ангелических сил, чар, духов элементов;

социальный статус человека, его работа:

-белые воротнички – white collar workers – сотрудник, занимающийся нефизическим трудом.

“У него было в жизни все. Он относился к такому классу людей, которых называли “белые воротнички” (А. Данилевский., с. 25.)

“The term white-collar worker refers to a salaried professional or an educated worker”

болезни, пороки человека и общества:

-белая рабыня – девушка, которую вынудили заниматься проституцией;

-white slavery (белое рабство) – проституция.

“She was white slave and she understood it.” (R. Macdonald., p. 52)

Специфичными для английского языка являются такие сферы переосмысления, как “характеристика внешности человека”, “эмоциональное и физическое состояние человека”, “природные явления зимнего периода и реалии, события, происходящие в этот период”, “исключительные, феноменальные, перспективные способности человека”, “расовая/расистская характеристика человека”, “волшебство, магия”, “хороший период в жизни человечества”, “духовно-психологический портрет человека”, “социальный статус человека, его работа”.

цветовая характеристика внешности человека:

-(as) white as a ghost (белый как привидение)

-(as) white as ashes (белый как пепел)

-(as) white as clay (белый как глина, прах)

-(as) white as ceiling (белый как потолок)

-(as) white as a whale bone (белый как китовая кость)

-(as) white as fleese (белый как руно, овечья шерсть) – смертельно бледный; побледневший;

-(as) white as a sheet (белый как полотно);

“Marilyn turned as white as a sheet when the policeman told her that her son had been in a car wreck”. (R. Macdonald., p. 98)

-(as) white as wool (белый как шерсть).

эмоциональное и физическое состояние человека:

-to flow into a white rage (излиться в белую ярость) – прийти в состояние иступления, полной потери самообладания;

“He flew into a white rage and shouted to me”. (R. Macdonald., p. 35)

-at a white heat (до белой жары) – в ярости, чрезвычайно возбужденном состоянии, в иступлении;

-white heat/ rage/ fury (белая -жара/ ярость) – неистовство, бешенство, ярость;

-to drive to a white heat (въехать в белую жару) – вывести из терпения, из себя, лишать кого-то самообладания, сильно разозлить;

-white night (белая ночь) – бессонная ночь.

“He had an awful white night”. (R. Macdonald., p. 12)

природные явления зимнего периода и реалии, события, происходящие в этот период:

-white frost (белый мороз) – изморозь, иней;

“White frost is a solid deposition of ice which forms directly from water vapour contained in air”.

-white harvest (белый урожай) – уборка урожая после заморозков.

исключительные, феноменальные, перспективные способности человека:

-white hope (белая надежда) – человек, подающий большие надежды, который должен принести удачу;

“A reporter tells Frank Brady that he is the white hope”. (Howard Sackler., p. 55)

расовая/расистская характеристика человека:

-white supremacy (белая верховная власть) – расизм;

-lily white – 1) состоящий только из белых, не имеющий в своем составе ни одного негра; 2) только для белых;

-white regions (белые районы) – районы, где преобладает население европейской расы;

-a white man (белый человек) – белый человек, испанец (в отличие от индейцев) – представитель европейской расы.

“Mr.Stone believed that he was white man.” (D. Cusack., p. 18)

волшебство, магия:

-white witch (белая ведьма) – добрая волшебница.

хороший период в жизни человечества:

-white day (белый день) – счастливый день;

“White day is a day celebrated in Japan and South Korea on March 14, one month after Valentine's Day”.

духовно-психологический портрет человека:

-the white rose of virginity/innocence (белая роза девственности/ невинности) – символ непорочности, чистоты;

“The white rose meanings stands for purity, virginity andinnocence of the bride at a wedding”.

социальный статус человека, его работа:

-white knight;

“In business, a white knight , or "friendly investor" may be a corporation, or a person that intends to help another firm”.

Специфичной для русского языка является сочетаемость с такими ЛСГ существительных, как “атрибуты, связанные с войной, военной службой, оружием, стрельбой”, “природные явления зимнего периода и реалии, события, происходящие в этот период”, “расовая/ расистская характеристика человека”, “алкоголь, алкоголизм”, “хороший период в жизни человечества”, “социальный статус человека, его работа”.

атрибуты, связанные с войной, военной службой, оружием, стрельбой:

-в белый свет как в копеечку (выстрелить, палить)

“стрелять, не целясь”. (словарь Ожегова)

природные явления зимнего периода и реалии, события, происходящие в этот период:

-белое безмолвие – Заполярье;

-белая пахота;

“снегозадержание”. (словарь Ожегова)

расовая/расистская характеристика человека:

-белые банды – расисты;

“Белые банды предоставляли защиту своим белым братьям, присоединившимся к ним, а афроамериканские банды защищали черных”.

алкоголь, алкоголизм:

-белая головка – водка;

-белая горячка;

“Белая горячка обычно возникает при алкоголизме, в период прерывания запоя.”

-напиться до белой горячки – напиться до состояния сильного опьянения.

хороший период в жизни человечества:

-белая полоса (в жизни) – счастливый, радостный период в жизни человека;

“У него началась белая полоса в жизни”. (Достоевский., с. 82)

социальный статус человека, его работа:

-белые халаты – врачи, медицинский персонал.

Таким образом, цвет играет важную роль в восприятии человеком окружающего мира, он способен вызвать определенные ассоциации. Ассоциативность цвета наиболее четко прослеживается в языке в виде различного рода устойчивых сочетаний, содержащих цветовой компонент (так как они являются застывшими, имеют постоянный лексический состав и целостное значение). Различия в семантической структуре цветообозначений в русском и английском языках обусловлены национально-культурными особенностями, символикой цвета в конкретном языке; сходства же, в свою очередь, также зависят от

наличия общих черт в символике, восприятии цвета носителями русского и английского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М., 1987.
2. Похлебкин, В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – М., 1995.
3. Самарина, Л.В. Традиционная этическая культура и цвет (Основные направления и проблемы зарубежных исследований) // Этнографическое обозрение. – М., 1992. – № 2.
4. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты в сознании и дискурсе. – М., 2000.
5. Advanced Learner's English Dictionary (ALED) – Lingua. Version 11. Software. – 2006.
6. Dictionary of English Language and Culture (DELIC). – Longman, 2003.

REFERENCES

1. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow. 1987 (In Russ.).
2. Pokhlebkin V.V. *Slovar' mezhdunarodnoy simboliki i emblemاتيki* [Dictionary of International Symbols and Emblems]. Moscow, 1995 (In Russ.).
3. Samarina L.V. *Traditsionnaya eticheskaya kul'tura i tsvet (Osnovnyye napravleniya i problemy zarubezhnykh issledovaniy)* [Traditional ethnic culture and color (Main directions and problems of foreign research)]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review]. Moscow. 1992, no 2 (In Russ.).
4. Slyshkin G.G. *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnyye kontsepty v soznanii i diskurse* [From text to symbol: Linguocultural concepts in Consciousness and discourse]. Moscow. 2000 (In Russ.).
5. Advanced Learner's English Dictionary (ALED). Lingua. Version 11. Software. 2006 (In English).
6. Dictionary of English Language and Culture (DELIC). Longman, 2003 (In English).

Материал поступил в редакцию 12.10.23

THE MEANING OF COLOR NAMES IN ENGLISH AND RUSSIAN

K.A. Koltsova, Candidate of Philological Sciences, Lecturer
Ural State University
(620083, Russia, Yekaterinburg, Lenin Avenue, 51)

Abstract. *The author of the article considers the problem of the meanings of color names in English and Russian. The similarities and differences of the use of certain colors in stable combinations in Russian and English are investigated, which allows us to identify common microsystems of symbolic meanings in both languages.*

Keywords: *color names, European languages, English, Russian, black, white.*

УДК 81

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

П.П. Краснова, доктор филологических наук, доцент
Балтийский федеральный университет имени И. Канта
(236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14)

***Аннотация.** Методика обучения иностранному языку не представляет содержания обучения английскому языку без включения социокультурного компонента в процесс обучения. В свете современных требований к целям обучения иностранного языка меняется статус и роль страноведческой информации, представленной таким образом, чтобы соответствовать опыту, потребностям и интересам учащихся и быть сопоставленной с аналогичным опытом их ровесников в стране изучаемого языка.*

***Ключевые слова:** эксперимент, методика, образование, школьники.*

Экспериментальное обучение проводилось в течение 4-х месяцев и включало в себя три этапа, в течение которых у учащихся старших классов общеобразовательной школы формировались и развивались навыки иноязычной социокультурной компетенции.

Первый этап обучения – подготовительный, констатирующий срез. Целью констатирующего этапа обучения являлось выявление исходного уровня сформированности иноязычной социокультурной компетенции учащихся 10-х классов на данном этапе, а также их отношение к обучению с использованием текстов, содержащих информацию о стране изучаемого языка, истории, традициях и культуре.

Второй этап – опытное обучение, целью которого являлось формирование знаний о реалиях иноязычной культуры у учащихся, формирование практических навыков и умений извлечения социокультурной информации из текста, развитие умения вербализовать информацию, т.е. способность порождать речевые сообщения на основе прочитанного текста, высказывать свое отношение к рассмотренной теме на иностранном языке; выяснить степень эффективности разработанной методики и системы упражнений.

Третий этап – итоговый срез, который заключался в сопоставительном анализе данных опытного обучения и оформлении выводов, где была поставлена цель: проанализировать данные опытного обучения; сделать объективные выводы об эффективности предлагаемой методики.

Для проведения опытного обучения и анализа его результатов использовались следующие методы исследования: наблюдение за процессом поэтапного развития социокультурной компетенции учащихся 10-х классов общеобразовательной школы; изучение методической литературы, а также отечественных и зарубежных учебников. В соответствии с общей гипотезой исследования была сформулирована гипотеза опытного обучения: если в конце опытного обучения уровень сформированности социокультурной компетенции окажется более высоким, чем на первом этапе обучения, то это будет свидетельствовать о преимуществе, практической ценности и эффективности предлагаемой модели.

Мы определили две группы, максимально идентичные по составу (возраст, пол) и по уровню владения навыками иноязычной социокультурной компетенции.

В начале первого этапа обучения проводился констатирующий срез с целью получения сведений об исходном уровне сформированности иноязычной социокультурной компетенции учащихся, включающего знания реалий иноязычной культуры, владение

навыками извлечения информации из текста, а также навыками вербализации информации.

На этом этапе мы использовали текст «Culture and traditions in Great Britain».

It you're staying in London for a few days, you'll have no difficulty whatever in finding somewhere to spend an enjoyable evening. You'll find opera, ballet, comedy, drama, review, musical comedy and variety. Most theatres and music-halls have good orchestras with popular conductors. At the West-End theatres you can see most of the famous English actors and actresses. As a rule, the plays are magnificently staged – costumes, dresses, scenery, everything being done on the most lavish scale.

The last half of the XVI and the beginning of the XVII centuries are known as the golden age of English literature, it was the time of the English Renaissance, and sometimes it is even called «the age of Shakespeare».

Shakespeare, the greatest and most famous of English writers, and probably the greatest playwright who has ever lived, was born in Stratford-on-Avon. In spite of his fame we know very little about his life. He wrote 37 plays. Among them there are deep tragedies, such as Hamlet, King Lear, Othello, Macbeth, light comedies, such as The Merry Wives of Windsor, All's Well That Ends Well, Twelfth Night, Much Ado About Nothing.

If we look at English weights and measures, we can be convinced that the British are very conservative people. They do not use the internationally accepted measurements. They have conserved their old measures. There are nine essential measures. For general use, the smallest weight is one ounce, then 16 ounce is equal to a pound. Fourteen pounds is one stone.

The English always give people's weight in pounds and stones. Liquids they measure in pints, quarts and gallons. There are two pints in a quart and four quarts or eight pints are in one gallon. If we have always been used to the metric system therefore the English monetary system could be found rather difficult for us. They have a pound sterling, which is divided into twenty shillings, half-crown is cost two shillings and sixpence, shilling is worth twelve pennies and one penny could be changed by two halfpennies.

Ученикам были даны следующие задания:

– Choose the right variant:

1. Shakespeare wrote ... plays.

- A. 35
- B. 37
- C. 39
- D. 42

2. The last half of ... centuries are known as the golden age of English literature.

- A. the XVI and the beginning of the XVII
- B. the XV and the beginning of the XVI
- C. the XVII and the beginning of the XVIII

3. For general use, the smallest weight is one ounce, then ... ounce is equal to a pound.

- A. 15
- B. 16
- C. 17
- D. 18

– Answer the questions:

What is «the age of Shakespeare»?

What can you do in London?

Why are British people conservative?

С целью проверки умения вербализовать информацию использовалось устное резюмирование тематического текста с последующей беседой по теме.

Для проведения итогового среза был подобран текст «The British people».

Englishmen tend to be rather conservative, they love familiar things. They are hostile, or at least bored, when they hear any suggestion that some modification of their habits, or the introduction of something new and unknown into their lives, might be to their advantage. This conservatism, on a national scale, may be illustrated by reference to the public attitude to the monarchy, an institution which is held in affection and reverence by nearly all English people.

Great Britain has given lots of prominent people to the world, but one of the noblest and most famous men was William Shakespeare. He was a famous English poet and playwright. William Shakespeare was born in 1564 in a small English city Stratford-upon-Avon. All in all he wrote more than 37 plays, 154 sonnets, two long poems and a great number of other poems.

Britain is supposed to be the land of law and order. Part of the British sense for law and orderliness is a love of precedent. For an Englishman, the best of all reasons for doing something in a certain way is that it has always been done in that way. The English sense and feeling for privacy is notorious. England is the land of brick fences and stone walls (often with glass embedded along the top), of hedges, of thick draperies at all the windows, and reluctant introductions, but nothing is stable now. English people rarely shake hands except when being introduced to someone for the first time. They hardly ever shake hands with their friends except seeing them after a long interval or saying good-bye before a long journey. The British people are the world's greatest tea drinkers. They drink a quarter of all the tea grown in the world each year. Many of them drink tea on at least eight different occasions during the day.

– Choose the right variant:

1. William Shakespeare was born in ... .

A. 1561

B. 1563

C. 1564

D. 1568

2. English people rarely ... except when being introduced to someone for the first time.

A. shake hands

B. say «Hello»

C. smile

3. The British people are the world's greatest ... drinkers.

A. coffee

B. lemonade

C. tea

– Answer the questions:

Why is Great Britain the land of law and order?

Do Englishmen like tea?

How often do Englishmen drink tea?

С целью проверки умения вербализовать информацию использовалось устное резюмирование данного текста с последующей беседой по теме.

Для сопоставления данных мы сравнили результаты констатирующего и итогового срезов в двух группах по окончании опытного обучения.

Согласно данным констатирующего и итогового срезов в экспериментальной группе, знания реалий иноязычной культуры увеличились на 40 %, навыки извлечения социокультурной информации из текста – на 38 %, умения вербализовать полученную информацию на 41 %, т.е. в среднем на 40 %. В контрольной группе соответствующие результаты возросли в меньшей степени: на 26 %, 23 % и 25 %, т.е. в среднем на 26 %.

Анализ итогов экспериментального обучения показал, что предложенная модель развития социокультурной компетенции учащихся позволяет добиться значительных результатов в повышении уровня сформированности знаний о реалиях иноязычной культуры, практических навыков и умений извлечения социокультурной информации из текста, а также уровня сформированности умения вербализовать полученную информацию.

Таким образом, анализ результатов экспериментально обучения подтвердил его гипотезу: обучение иноязычной социокультурной компетенции учащихся 10-х классов более эффективно, если его организовать с использованием предлагаемой модели, опирающейся на формирование знаний реалий иноязычной культуры, формирование практических навыков и умений извлечения социокультурной информации из текста, а также на развитие умения вербализовать полученную информацию.

Анализ итогов обучения показал, что при помощи предложенной модели развития социокультурной компетенции учащихся старших классов общеобразовательной школы удалось добиться значительных результатов в повышении уровня сформированности знаний о реалиях иноязычной культуры, практических навыков и умений извлечения социокультурной информации из текста, а также уровня сформированности умения вербализовать полученную информацию.

Современное обучение иностранному языку невозможно без привития учащимся иноязычной культуры. Большинство методистов уделяют особое внимание современному состоянию теории и практики обучения иностранным языкам с ярко выраженной коммуникативной направленностью, что способствует всестороннему развитию личности, развитию духовных ценностей учащихся. Методика обучения иностранному языку не представляет содержания обучения английскому языку без включения социокультурного компонента в процесс обучения. В свете современных требований к целям обучения иностранного языка меняется статус и роль страноведческой информации, представленной таким образом, чтобы соответствовать опыту, потребностям и интересам учащихся и быть сопоставленной с аналогичным опытом их ровесников в стране изучаемого языка.

Результаты экспериментального обучения, в ходе которого проверялась гипотеза исследования о возможности использования газетных текстов для формирования знаний, умений, способностей и качеств личности, составляющих социокультурную компетенцию учащихся, позволили сделать вывод о том, что в условиях отсутствия языковой среды газетный текст, как источник социокультурной информации, может использоваться в качестве материала для формирования социокультурной компетенции и, кроме того, позволяет удовлетворить познавательные потребности учащихся старшей ступени обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов, Э.Г., Шукин А. Н. Словарь методических терминов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Бердичевский, А.Л. Оптимизация процесса обучения иностранному языку. – М.: Высшая школа, 1989.
3. Брудный, А.А. Понимание и общение. – М.: Знание, 1989. – 64 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990.
5. Мильруд, Р.П. Основные способы стимулирования речемыслительной деятельности на иностранном языке. Иностр. языки в школе. – 1996. – № 6.
6. Сафонова, В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: Истоки, 1996.
7. Штульман, Э.А. Основы эксперимента в методике обучения иностранным языкам. – Воронеж: ВУ, 1971.

REFERENCES

1. Azimov E.G., Shchukin A. N. *Slovar' metodicheskikh terminov* [Dictionary of methodological terms]. SPb. 1999. 472 p. (In Russ.).
2. Berdichevskiy A.L. *Optimizatsiya protsessa obucheniya inostrannomu yazyku* [Optimization of the process of learning a foreign language]. Moscow. 1989 (In Russ.).
3. Brudnyy A.A. *Ponimaniye i obshcheniye* [Understanding and communication]. Moscow. Znanie. 1989. P. 64
4. Vereshchagin Ye.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kul'tura: lingvostranovedeniye v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture: Linguistics in teaching Russian as a foreign language]. (In Russ.).
5. Mil'rud R.P. *Osnovnyye sposoby stimulirovaniya rechemyslitel'noy deyatel'nosti na inostrannom yazyke. Inostr. yazyki v shkole* [The main ways to stimulate speech-thinking activity in a foreign language. Foreign languages at school]. 1996, no 6 (In Russ.).
6. Safonova V.V. *Izucheniye yazykov mezhdunarodnogo obshcheniya v kontekste dialoga kul'tur i tsivilizatsiy* [Learning languages of international communication in the context of the dialogue of cultures and civilizations]. Voronezh. 1996 (In Russ.).
7. Shtul'man E.A. *Osnovy eksperimenta v metodike obucheniya inostrannym yazykam* [Fundamentals of the experiment in the methodology of teaching foreign languages]. Voronezh. 1971 (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 10.10.23

EXPERIMENTAL METHODS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

P.P. Krasnova, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Immanuel Kant Baltic Federal University
(236041, Russia, Kaliningrad, st. Alexander Nevsky, 14)

Abstract. *The methodology of teaching a foreign language does not represent the content of teaching English without the inclusion of a socio-cultural component in the learning process. In the light of modern requirements for the purposes of teaching a foreign language, the status and role of country-specific information is changing, presented in such a way as to correspond to the experience, needs and interests of students and be compared with the similar experience of their peers in the country of the language being studied.*

Keywords: *experiment, methodology, education, schoolchildren.*

UDC 8

PRESENTACIÓN ARTÍSTICA DE UN OBJETO EN “CASANDRA” (1983) DE CHRISTA WOLF

Pérez Victoria, Doctora en Ciencias del Lenguaje, Profesora-Investigadora
Instituto de Ciencias Sociales y Humanidades
Benemérita Universidad Autónoma de Puebla
Puebla, México
Email: vita_ru@hotmail.com

Resumen. En este artículo se analiza la noción de écfrasis que se presenta en la novela “Casandra” de Christa Wolf. En un primer momento se realiza un breve recorrido por la historia de este concepto, y luego, desde la perspectiva narratológica, se presenta el análisis del fragmento textual de la novela. Se concluye que la interpretación de este recurso retórico está a cargo del lector/receptor del mensaje literario.

Palabras clave: novela, écfrasis, arte, lectura, receptor.

INTRODUCCION

La extensa herencia literaria de Christa Wolf es ampliamente reconocida en la literatura mundial contemporánea tanto por su implicación política como por su compromiso con el lector. Sus textos, en su mayoría ensayos, es una exhortación para reflexionar sobre los acontecimientos históricos y sociales en los cuales estas obras fueron producidas. En la novela *Casandra* (1983), traducida a varios idiomas, la atención se centra en la figura femenina de la mitología clásica: la profetisa troyana Casandra, a la que encontramos frente a la Puerta de los Leones durante las últimas horas de su vida. Durante la espera de ser decapitada por Clitemnestra y su amante Egisto, la protagonista se deja llevar por sus recuerdos que la ubican en distintas etapas de su vida. El uso del lenguaje mnemónico [10], la subversión del discurso oficial sobre la guerra de Troya, así como numerosas alusiones a otros textos sobre la hija de Príamo crean una poética inconfundible, propia de la pluma de Christa Wolf. A este modo de tejer textos literarios, cuando se inspira en los paradigmas lingüísticos, socioculturales y literarios anteriores y se mantiene la armonía entre lo tradicional y lo original, Darío Villanueva propone el término de escritura palimpsestosa [18]. Se trata, pues, de aquella escritura que está en contacto tanto con la tradición clásica como con otros textos procedentes de tradiciones particulares muy heterogéneas y no siempre estrictamente literarias. El nexo dialéctico entre estas expresiones lingüísticas nos hace pensar en relaciones interartísticas, entre las cuales las imágenes ecfásticas ocupan uno de los lugares privilegiados. En el texto de *Casandra* podemos entrever una imagen que me sirve como objeto de estudio que presento a continuación.

APRECIAR LO PICTÓRICO DESDE LO ESCRITO

El diálogo entre la literatura y el arte podría estudiarse desde diferentes perspectivas, puesto que la teoría se ha acercado a las relaciones entre palabra e imagen desde enfoques múltiples. Si hacemos un breve recorrido histórico por las reflexiones teóricas sobre las relaciones interartísticas, habría que comenzar en el siglo VI a. C., “cuando Simónides de Ceos definió la pintura como *poesía muda* y la poesía como *pintura que habla*” [8, p. 228]. Luego tenemos los textos del Imperio Romano, en los cuales Hermógenes de Tarso -orador del siglo II d. C.- menciona que la écfrasis es “un discurso descriptivo que tiene viveza [...] y conduce a una cosa que se hace visible ante la mirada” [citado en 2, p. 36]. Esta definición implica que la descripción guía la mirada del lector a

ver las cosas que muestra el autor y que pueden ser, tal y como lo explica Hermógenes, objetos muy diversos y variados: “y la écfrasis surge de personas, de hechos, [de ocasiones], de lugares, de tiempos, y de muchas otras cosas” [2, p. 39]. Una interpretación actual de la écfrasis que aclara la relación entre el creador, el objeto y el público se encuentra en Mitchell:

El poeta ecfástico está colocado entre el objeto descrito [...] y el escucha a quien [...] se le hará “ver” el objeto por medio de la voz del poeta. La écfrasis se sitúa en una posición intermedia entre dos “alteridades” y dos formas, en apariencia imposibles, de traducción y de intercambio: (1) la conversión de la representación visual en una representación verbal [...]; (2) la reconversión de la representación verbal al objeto visual en la recepción del lector. Por lo tanto, la interacción entre la écfrasis y el otro es más una relación triangular que binaria [9, 164].

Es evidente que ni el trabajo poético, ni la interpretación de la écfrasis coinciden plenamente en la antigüedad y en la época actual, ya que dicho concepto ha evolucionado al tiempo que la poesía y el propio arte. Así, la écfrasis puede referirse tanto al nombre de un género literario menor que comprende poemas en los que se describen las obras del arte visual como a un concepto general que define la representación verbal de un objeto plástico. En mi análisis defino la écfrasis como una figura retórica que describe verbalmente un objeto plástico, el cuadro o la escultura como referentes extratextuales, y cuya función es despertar en el lector la imagen del objeto ausente [14, 8]. En este caso específico tal objeto es un cuadro pictórico. Me refiero a la obra de Federico Barocci *La huida de Eneas*, realizada por el pintor en 1598 (Imagen 1) y que actualmente se encuentra en la Galería Borghese en Roma.

*Imagen 1. Federico Barocci La huida de Eneas (1598),
Galería Borghese, Roma*

En el lienzo se puede contemplar al héroe troyano que en medio de los escombros del palacio de Príamo lleva a cuestas al anciano Anquises. Junto a Eneas, del lado derecho y un poco atrás, encontramos a Creúsa, su esposa, mientras que a la izquierda se aprecia la figura de un niño. Se trata de Ascanio, el hijo de ambos, el futuro fundador de la Alba Longa, ciudad que se convertirá más tarde en Roma. Todos los personajes están vestidos con ropajes no de la época en la que se pinta, sino inspirados en la antigüedad, destacando a Eneas que aparece vestido de guerrero. La escena se sitúa en un ambiente de desorden y con gran movimiento, ejemplo típico de la pintura barroca. Las características arquitectónicas de la ciudad de Troya que se aprecia al fondo no son anteriores al siglo XVI. Como veremos, en el texto ecfástico de *Cassandra* estos elementos visuales desaparecen, sustituidos por el relato identificado por nosotros en la cita inferior por medio de

cursivas: “Sonreí por última vez cuando Eneas *-con su padre, el viejo Anquises, a la espalda-* pasó junto a mí con un puñado de gentes suyas, en dirección al monte Ida” [17, p. 41].

En lo que sigue, presentaré la puesta en abismo o el camino laberíntico que tuve que recorrer para ordenar las imágenes visuales que fueron provocados por la lectura de dicho fragmento discursivo y que tanto aprecio durante de lectura de cualquier texto, pues considero, junto con Ricoeur que a partir de ellos la lectura “se convierte en ese picnic en el que el autor aporta las palabras y el lector la significación” [12, p. 883] y que hace del acto de leer una experiencia placentera.

En la descripción efrástica de Eneas, la adivina, que también funge como narradora, construye “otro” relato que es más afín a su situación de enunciación narrativa que a su referente extratextual. Para mí como lectora, sin embargo, a pesar de tal diferencia, la narración de la heroína no deja de remitir al cuadro que desencadena la actividad descriptiva. A diferencia de la gran mayoría de los textos en los cuales se ofrecen puentes o indicios textuales que permiten reconocer en el relato la existencia de un “otro” extratextual a que se refiere, en *Casandra*, a falta de cualquier detalle alusivo, la identificación de la écfrasis depende totalmente del lector:

[...] la écfrasis literaria como una lectura [...] lo que descifra en primer lugar no es el cuadro sino a su espectador. Es la interpretación del espectador (del autor) lo que dicta la descripción, y no a la inversa. En lugar de copiar el cuadro transcribiendo en palabras el dibujo y los colores del pintor, la écfrasis lo impregna y lo tiñe con una proyección del escritor. Y esa ilusión descriptiva compete de lleno a la literatura, puesto que, como toda literatura, el objeto ilusorio que aquella nos presenta reproduce el estado de ánimo del sujeto que mira. Si la écfrasis es un enunciado para el historiador y para el crítico de arte, para el escritor es una enunciación [13, p. 174].

Por otro lado, la ausencia física del cuadro remite a la pérdida del objeto, en otras palabras, lo ausente es el objeto, la presencia. De ahí que la écfrasis es la ilusión de una ilusión o “mímesis doble” [13]. Esta doble presencia/ausencia puede metaforizarse como un doble viaje que ya hemos mencionado: del cuadro a la novela (el autor) y de la novela al cuadro (el lector). Como cualquier obra de arte, el cuadro, debido al gran parecido entre la representación y el objeto representado, puede ser visto como un símbolo icónico [16]. En su imagen, el cuadro acumula las capas de las experiencias artísticas anteriores de tal modo que adquiere forma de un palimpsesto¹. Gracias a este, el cuadro se convierte “en un enorme cementerio donde en la mayoría de las lápidas es imposible leer los nombres borrados por el tiempo” [16, p. 217].

Antes de pasar a la presentación de los referentes que dejaron sus huellas en la obra de Barocci, quisiera aclarar que el camino que transito en este análisis no es necesariamente el que tuvo que recorrer la autora de *Casandra*, pues a pesar de que en algunos momentos nuestros contextos puedan traslaparse, las experiencias personales de cada una son únicas e irrepetibles.

En la mitología latina Eneas se conoce como hijo del príncipe troyano Anquises y de Venus, diosa del amor en la mitología romana. Virgilio, inspirado en algunos versos y episodios de la *Iliada*, en la cual Eneas figura como personaje secundario protegido por los dioses, relaciona a este héroe troyano con la fundación de Roma, una ciudad que dominaría el mundo. Al igual que los poetas posteriores a Homero, Virgilio presenta a Eneas como un guerrero que participa en los últimos combates de la guerra troyana. Su importancia crece todavía más después de la caída de la fortaleza, cuando al seguir el consejo de su padre se dirige al monte Ida para luego, junto con algunos troyanos, abandonar la ciudad. Centrado exclusivamente en su misión, este héroe virgiliano ha sido objeto de representación de muchos artistas, tales como Rafael quien en el fresco *El incendio del Borgo*² hace alusión al hecho de que Roma fue fundada como la nueva Troya. De los tres planos principales que se observan en la composición de la obra, el que nos interesa se ubica a la izquierda. Se trata de un eco del tema clásico de Eneas con su padre Anquises. Es así como el pintor italiano del siglo XVI interpreta el acontecimiento virgiliano de la huida de Eneas de la ciudad de Troya.

En esta pintura de Rafael vemos como Eneas lleva a su anciano padre Anquises en hombros, mientras su hijo Ascanio observa a los dos con detenimiento. Los tres personajes aparecen desnudos, lo cual es cercano al pensamiento humanista de la época. Detrás del grupo se encuentra Creúsa. La escena parece representar una huida improvisada y atormentada de la familia, dejando atrás las ruinas en llamas de la vieja Troya, situándose en un escenario clásico, como podemos apreciar en lo que parece ser un intradós con casetones³. A pesar de las considerables diferencias estilísticas de ambos cuadros, lo que los une a las obras de Rafael y de Barocci es el motivo de Créusa que huye de Troya junto con su familia.

Tiempo después, en el año 1618, también Bernini, quien se encontraba al inicio de su carrera artística, elige como el motivo para su grupo escultórico este episodio concreto de la vida del legendario troyano. Entre los artistas de la época barroca, dicho tema no era corriente; sin embargo, influenciado por la herencia artística de Rafael y utilizando como referencia histórica la *Eneida* virgiliana, el escultor romano realiza su obra *Eneas abandonando Troya*. Después de un detallado estudio anatómico, el maestro ha representado a los tres miembros de la familia de Eneas semidesnudos y de tamaño un poco superior al natural. Dicho grupo escultórico es tallado de un único bloque de piedra, hecho que lo hace poco estable. Para proporcionar a su trabajo más equilibrio, el escultor orienta las posturas de los personajes en direcciones opuestas. Como se observa en la imagen, la altura de la escultura (220 cm.) contrasta con su anchura; el pedestal es de pequeño tamaño y abombado hacia arriba. Desde el punto de vista de composición, se puede apreciar que la obra está cargada de curvas y está elaborada en espiral. Al igual que Rafael, Bernini representa las tres edades del hombre, así como la piedad y el amor filial. Al cargar a su padre a costas, el rostro de Eneas no refleja el esfuerzo mientras que en los músculos sí hay cierta tensión. El pelo con bucles recuerda los peinados de la Antigüedad. El grupo escultórico se caracteriza por un mayor grado de verosimilitud que se da a partir de la rolliza figura de Ascanio, hijo de Eneas que va detrás de su padre, y el cuerpo esquelético de Anquises. Este modo de presentar al anciano corresponde a las ideas de la época barroca según las cuales, aparte de reflejar la belleza de la naturaleza, el arte religioso tiene que ser monumental y al mismo tiempo célebre. Habría que señalar, sin embargo, que las cualidades y las capacidades narrativas de diferentes géneros artísticos varían mucho: la escultura permite al autor una mayor expresividad, mientras que la pintura nos ofrece mayores posibilidades escenográficas. Estas polémicas sobre las confrontaciones entre diferentes tipos de arte denominadas *parangón* tenían una gran difusión dentro del ámbito humanista, en el cual se formó Bernini. Es por eso por lo que la figura de Anquises alude al cuerpo de San Jerónimo de Domenichino (1614,) que podemos observar en el cuadro *La última comunión de San Jerónimo*: el espectador se convierte en el testigo de la última comunión del santo eremita. Junto al anciano de cuerpo macilento está el león que constituye normalmente su atributo y que, al igual que todos los presentes, llora la muerte de su amo. Sobre el sacerdote que le brinda la hostia al moribundo se aprecian unos angelitos que están esperando a Jerónimo en el cielo. Por el arco de la iglesia contemplamos un espléndido paisaje italiano, ahí está la vida de la que se despiden el personaje. Esta arquitectura monumental representa la aportación de San Jerónimo al estudio de la Biblia, mientras que la abundante vegetación simboliza su vida, llena de oraciones y libertad espiritual. La única vela está prendida y se fija hacia arriba como el símbolo de aspiración espiritual.

En cuanto al poderoso físico del guerrero troyano, se nota una gran semejanza con el *Cristo desnudo de Santa María Sopra Minerva* (1521) de Miguel Ángel. La escultura, que también se conoce bajo el nombre *Cristo resucitado*, está tallada en mármol y representa el cuerpo de Cristo con una altura de 205 centímetros quien, al igual que los atletas antiguos, se presenta completamente desnudo y abrazando con ambas manos una gran cruz. Las ideas del Renacimiento sobre la posible síntesis del cristianismo con la antigüedad se reflejan en la desnudez del cuerpo. A pesar de que el artista estaba insatisfecho por la torpe participación de uno de sus alumnos, Pietro Urbano, después de lo cual tenía que retocar la obra, los contemporáneos de Miguel Ángel apreciaban dicha escultura por su perfección en la presentación del cuerpo humano. Así, el pintor

veneciano Sebastiano del Piombo (1485-1547) decía que “las rodillas de ese Cristo cuestan más que toda Roma”. Para algunos críticos de arte, a la escultura le hacen falta la expresividad del cuerpo y energía plástica, los elementos característicos de toda la obra del maestro. Debido a estas opiniones, la autoría de Miguel Ángel se cuestiona. Sin embargo, según otros especialistas, el paño que tapa el cuerpo de Cristo es igual que el de *La Piedad* (1499), la única obra firmada por el artista: en la banda sobre el pecho de la Virgen se lee “MICHAEL – ANGELVS – BONAROTVS – FLORENTI[NUS] – FACIEBAT” [10].

Como ejemplo de hijo piadoso, la imagen de Eneas aparece en las monedas antiguas. Según Antón, en un denario de plata (47 a. C.) de Julio César (Imagen 2) “se ve en el anverso la cabeza de la diosa Venus, y en el reverso a Eneas, desnudo, que camina portando en su mano derecha el *Palladium* y sobre sus hombros a Anquises” [1, pp. 229-300].

Imagen 2

El mismo motivo surge en un fresco de Pompeya que se conserva en el Museo de Nápoles y en el cual podemos observar a Anquises, reducido a las dimensiones minúsculas, que desempeña dos funciones: primero, ser portador de la cesta con los dioses familiares y, segundo, representar emblemáticamente la *pietas* de Eneas, es decir, aquel amor y veneración sincera a los padres, los antepasados y la patria [Della Corte; citado en 1, p. 231].

Llegamos así al objeto que, desde mi punto de vista, es la referencia extratextual más antigua que da origen a todo el abanico de imágenes que hemos presentado. Se trata de una pequeña moldura etrusca de principios del siglo V a. C. (Imagen 3) que con el tiempo será constante en el mundo romano: Anquises sentado sobre la espalda de su hijo y llevando en sus manos una cesta.

Imagen 3

Antes de continuar con el análisis de la presencia del objeto pictórico en el texto de *Cassandra* quisiera regresar a algunos de los elementos de la estructura abismal de las obras que he construido. Como se puede notar, en su mayoría están relacionadas con las figuras de Anquises y Eneas. En cuanto al último, existe una numerosa cantidad de obras artísticas que muestran escenas de la vida de este héroe mitológico. El texto literario que ofrece más detalles sobre él es la *Eneida* de Virgilio. Este poema épico narra que Eneas, hijo de Anquises, es el príncipe troyano casado con Créusa con la cual tiene un hijo. Después de que los aqueos quemaron Troya, huye de la ciudad para fundar con el tiempo la ciudad de Roma. En su creación artística del personaje de Eneas, Christa Wolf trata de ser fiel a la versión mitológica, subvirtiendo aquella parte del mito que trata el tema de la esposa y del hijo del personaje. Es así como el estudio de las obras de distinta naturaleza artística es útil para identificar los elementos míticos que son objeto de subversión en *Cassandra*.

Por otro lado, las obras *La última cena de San Jerónimo* y el *Cristo desnudo* funcionan como ejemplos de una especie de puertas engañosas que no llevan a ningún lado. Es decir, si sigo buscando en mi memoria imágenes que las puedan unir con la temática de la guerra de Troya o *Cassandra*, el esfuerzo no tendrá éxito alguno. Aclarada la presencia de esta estructura en abismo tan característica para el arte posmoderno en general, regreso al análisis de la écfrasis.

De este modo, se ve cómo por medio de la voz prestada por la adivina, la galería de las imágenes artísticas, cuyas presentaciones verbales, por cierto, trascienden las palabras, ya que exigen ser vistas por completo, dejan de ser “cenizas en el olvido” [Mujica, 2002; citado en 4] para seguir diciéndose y encarnándose a través de los tiempos. En este breve fragmento ecfástico de *Cassandra* que estamos analizando, la voz de la narradora y la mirada de la lectora llegan juntos al lugar en el cual habita el arte y lo que nos ha permitido acceder a su revelación es el mecanismo de la écfrasis. La interacción entre la narradora y yo adquiere sentido no solo en el momento en que la palabra se produce y yo la recibo, sino también cuando esta palabra y la obra del arte que la acompaña logran mandar un mensaje codificado a quien está leyendo, puesto tanto el habla como la pintura son modos de expresión:

Uno no es más que el espectador, pero, desde la soledad de la contemplación, su experiencia es única. Lo que ha ocurrido ante esta exposición es personal y probablemente incomunicable. Sin embargo, uno conoce esta experiencia; todo amante de la pintura la conoce: la imposibilidad de apartarse de ella [13, p. 162].

Al igual que cualquier forma descriptiva, la écfrasis requiere de un objeto referencial en el mundo extratextual. Con varias puertas a sus costados, el camino laberíntico que he recorrido por las imágenes muestra que en el mundo real existe no uno, sino varios referentes artísticos. Como resultado de esta transposición de objetos artísticos, el ojo mental de la lectora se satura con imágenes confirmando de manera casi irrefutable la existencia de los préstamos de diversos géneros artísticos que sirven de fuente para dicho fragmento descriptivo. Esta intención implícita del texto de transmitir la(s) imagen(es) vivida(s) al lector se conoce como la *enargeia*⁴. Respecto a esto afirma Riffaterre que: “[...] la interpretación (*de una écfrasis*) es una manera indirecta de recordarnos que la obra de arte es el resultado de una intención, de un pensamiento, de una voluntad creadora” [13, p. 168].

Veamos ahora cómo en el relato de la protagonista aparece lo invisible: nos referimos al proceso de identificación por mi parte como lectora de un objeto artístico dentro de este texto ficcional.

En principio, vale la pena reiterar que en el lugar donde la mayoría de los textos ecfásticos ofrecen al lector algún tipo de referencias explícitas en cuanto al objeto artístico representado, en el texto de *Cassandra* encontramos espacios en blanco [5] que, dependiendo de su iniciativa interpretativa, el lector podría o no rellenar. Desde nuestro punto de vista, existen dos razones esenciales de tales intersticios que hemos detectado, la primera tiene que ver con el género literario al cual pertenece el texto. En el caso de *Cassandra*, se trata de un monólogo interior de carácter rememorativo cuya situación de enunciación, esto es, las circunstancias que presiden y marcan el

proceso de la emisión del discurso en cada una de sus fases, es el escenario micénico cuyos límites temporales corresponden al siglo XII a. C., aproximadamente, época mucho más anterior a las que vieron nacer las obras de arte mencionadas. En cuanto a la segunda razón, esta concierne a la función estética que cumple el texto. Es decir, para poder funcionar con su propia capacidad comunicativa, el texto debe ser actualizado e interpretado por su destinatario con una margen suficiente de univocidad, aunque, según el lema de Eco, la competencia del destinatario no coincide necesariamente con la del emisor [5]. Para decodificar el mensaje verbal que encontramos en *Casandra*, además de la competencia lingüística, yo necesitaba poseer una cierta competencia artística. A esta última la podemos definir como conocimiento básico de las principales técnicas, recursos y convenciones de los diferentes lenguajes artísticos, así como de las obras y manifestaciones más destacadas del patrimonio cultural. De este modo, a partir de mi propia enciclopedia cultural y del saber de mi época y gracias al hecho de compartir con la autora de la novela el contexto de contemporaneidad y homogeneidad estética y social relativamente coincidente, puedo hacer mi propia lectura del texto. La identificación del objeto artístico se lleva a cabo en aquel momento, cuando en el proceso de interpretación de la información recogida a lo largo del texto interviene una actividad de memoria. Como consecuencia, en la mente emerge una imagen visual instaurada por los discursos artísticos previos. Al visualizar el grupo escultórico de Bernini y las obras pictóricas de Miguel Ángel y Rafael arriba mencionadas, estas dejan de ser simplemente obras de arte y se convierten en referentes extratextuales. Al cumplir esta función, dichos objetos plásticos pasan al primer plano, formando parte sustancial del significado del texto.

Para explicar este complejo proceso de semiotización del objeto, Pimentel se basa en la visión del *Groupe μ* y afirma que “es la interacción entre estructuras cognitivas y estímulos perceptuales lo que crea esa representación del mundo que es la enciclopedia, a la que se subordina tanto la semántica lingüística como los repertorios de tipo icónico” [15, p. 113]. Durante el proceso de identificación, sin embargo, yo focalizo el objeto plástico no en su totalidad sino en términos que le propone el texto, es decir, dejo de ver partes de la obra plástica que no figuran en la representación ecrástica. Es por eso que, debido a que la écfrasis identificada en *Casandra* es muy breve y no persigue la descripción de los detalles visuales del objeto artístico al que refiere, es imposible determinar con cierto grado de precisión, de cuál de las tres obras artísticas se trata. Si seguimos nuestra intuición de lector y a partir de los efectos que causa en nosotros el texto, la conclusión, quizás, podría ser que estamos frente a un palimpsesto de imágenes encapsuladas en esta composición ecrástica. Haciendo alusión a lo invisible, la écfrasis expresa lo visible y presenta en varias imágenes lo que existe de otro modo, con otra forma y en otra parte. Al reiterar que el hecho de descubrir los significados ocultos del texto está en manos del lector, habría que tomar en cuenta la existencia de otro tipo de lector, para el cual, en palabras de Proust, “el libro puede ser demasiado sabio, demasiado oscuro [...] y no ofrecerle más que un cristal borroso con el que no podría leer. [...] el autor no tiene por qué ofenderse, sino por el contrario, debe dejar la mayor libertad al lector, diciéndole: “Mire usted mismo si ve mejor con este cristal, con este otro, con aquel” [14, p. 157].

A MODO DE CONCLUSION

El acercamiento narratológico al objeto de nuestro estudio resultó ser fructífero para analizar la figura retórica que fue identificada en la novela *Casandra* de Christa Wolf. La presencia de la frase ecrástica puso en marcha el diálogo entre lo visual y lo verbal, dando voz a un objeto mudo y lo volvió dinámico y activo. Una vez reconocida por la lectora, la representación verbal se convirtió en una imagen-texto. En este sentido, Christa Wolf no transcribe en palabras la obra pictórica, sino ofrece al lector cierta insinuación que enriquece la significación literaria de su novela. Es así como el lenguaje se pone al servicio de la vista y crea la esperanza ecrástica que abre la posibilidad a una interacción entre el texto verbal y el visual. Sin embargo, estas relaciones no son igualitarias, ya que el texto visual no puede representar a sí mismo y requiere del soporte verbal para ser percibido.

Por otra parte, como he mostrado, el reconocimiento (o no) de la figura excrástica depende totalmente del perfil del lector, de su involucramiento y compromiso con la lectura y con la obra.

REFERENCIAS BIBLIOGRÁFICAS

1. Antón, B. (2002). “Emblemática y didáctica del latín. Insignis pietate Ciconia”. En *Revista de Estudios Latinos*, núm. 2, pp. 199-233.
2. Aquino, S. (2004). “La écfrasis en los mimiambos de Herodas”. En *Encomio de Helena. Homenaje a Helena Beristáin*, Bubnova, T. y Puig, L. (eds.). México: UNAM, pp. 29-47.
3. Cirliot, L. (2007). *Museos del Vaticano*. Vol. 10. España: Planeta De Agostini.
4. Díaz-Morales, M. (2006). “La écfrasis literaria en *Un día en la vida de Julia*, de Juan García Ponce”. En *Narrativas. Revista de narrativa contemporánea en castellano*, núm. 1, pp. 3-28.
5. Eco, U. (1999). (1999). *Lector in fabula*. México: Lumen.
6. Genette, G. (1962/89). *Palimpsestos*. Paris: Seuil. Madrid: Alfaguara.
7. Grossi, V. (2007). *Sigilosos v(u)ellos epistemológicos en sor Juana Inés de la Cruz*. Madrid: Iberoamericana.
8. Martínez Fernández, J. E. (2008). (2008). “Poética del cuadro ausente. Poesía y pintura en Antonio Colinas”. En *Signa. Revista de la Asociación Española de Semiótica* 18, pp. 225-248.
9. Mitchell, W. J. T. (1994). *Picture Theory: Essays on Verbal and visual Representation*. USA: University of Chicago Press.
10. Pérez, V. (2010). “El lenguaje de memoria en *Cassandra* de Christa Wolf”. En *Актуальні проблеми слов'янської філології*, núm. XXIII, vol. 1, pp. 86-98.
11. Prat, J. et al (1989). *La obra completa de Miguel Ángel*. Barcelona: Origen.
12. Ricoeur, P. (1985). *Tiempo y narración III. El tiempo narrado*. México: Siglo XXI.
13. Riffaterre, M. (2000). “La ilusión de écfrasis”. En *Literatura y pintura*. A. Monegal (ed.), Madrid: Arco Libros, pp. 161-183.
14. Proust, M. (1995). *El tiempo recobrado*. España: Colección Antares.
15. Pimentel, L. A. (1998/2002). *El relato en perspectiva. Estudio de teoría narrativa*. México: Siglo XXI.
16. Shatin, Yu. (2004). “Pinturas revividas: écfrasis y diégesis”. En *Crítica y semiótica* 7, pp. 217-226 (en ruso).
17. Wolf, Ch. (1987). *Cassandra*. Madrid: Alfaguara.
18. Villanueva, D. (2003). *Los nuevos nombres, 1975-1999*. Barcelona: Crítica.

Notas

¹ La palabra *palimpsesto* deriva originalmente del griego clásico y está compuesta de *palin* o *palim*, que significa otra vez, de vuelta, de nuevo y el verbo *psain*, que significa frotar, raer o raspar. En la antigüedad el material para escribir era muy costoso; por ese motivo los palimpsestos se creaban a partir de pergaminos escritos a mano donde después de borrarse, el texto original no desaparecía del todo, sino que se traslucía a través del nuevo texto. En la crítica literaria el concepto palimpsesto se entiende como una imagen “[...] en la que se ve, sobre el mismo pergamino, cómo un texto se superpone a otro al que no oculta del todo, sino que lo deja ver por transparencia” [6, p. 495].

² Este fresco da nombre a una de las habitaciones que actualmente se conocen como las estancias de Rafael y que forman parte de los Museos Vaticanos. El cuadro representa el milagro atribuido al papa León IV quien, en el año 847, desde la ventana del Vaticano, sofocó el incendio de la ciudad de Roma con una simple señal de la cruz. El notable cambio en el estilo que se observa en este fresco con el resto de la obra de Rafael se debe al hecho de que fue pintado por los prominentes alumnos del maestro quienes impusieron un nuevo estilo pictórico definido como manierismo, es decir, pintar “a la manera de...”. Con este estilo se cuestionaban los ideales de belleza definidas por el Alto Renacimiento [3].

³ En arquitectura, el término *intradós* se utiliza para referirse a la superficie inferior de un arco o bóveda, así como a la cara de una dovela que corresponde a esta superficie. El casetón es un tipo de adorno que se pone en los techos y en el interior de las bóvedas (DRAE).

⁴ [7] aclara que la teoría de la *enargeia* presupone una relación recíproca entre las imágenes mentales y la incitación de las emociones. Esto significa que las imágenes vividas son fantasías mentales que simulan tanto vitalidad como realidad e inmediatez. Explica la autora que Pseudo-Longinus llama *phantasia* a este tipo de imágenes que sirven para alcanzar lo sublime. Aristóteles, quien —para referirse al efecto de tal visión— en vez de los términos de claridad, intensidad, brillantez usa la expresión *ante los ojos*, ya conocía este mecanismo psicológico. Para una semblanza de la vitalidad y de realidad que produce la pintura o el retrato mental, Aristóteles usa el término griego *energeia*.

Материал поступил в редакцию 08.11.23

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЪЕКТА В НОВЕЛЛЕ “КАСАНДРА” (1983) КРИСТЫ ВОЛЬФ

Виктория Перес, доктор наук о языке, исследователь
Заслуженный Автономный Университет Штата Пуэблы, Мексика

Аннотация. В данной статье анализируется понятие экфрасиса, который появляется в романе Кристи Вольф «Кассандра». В начале статьи предлагается краткий экскурс в историю этого понятия, а затем с нарратологической точки зрения представлен анализ текстового фрагмента романа. Делается вывод, что интерпретация данного риторического приема лежит на читателе/реципиенте литературного сообщения.

Ключевые слова: новелла, экфрасис, искусство, чтение, реципиент

ARTISTIC PRESENTATION OF THE OBJECT IN THE SHORT STORY "CASANDRA" (1983) BY CHRISTA WOLF

Victoria Pérez, Doctor of Philological Science, Researcher
Meritorious Autonomous University of Puebla, Mexico

Abstract. This article analyzes the notion of ekphrasis that appears in the novel “Cassandra” by Christa Wolf. First, a brief tour of the history of this concept is made, and then, from a narratological perspective, the analysis of the textual fragment of the novel is presented. It is concluded that the interpretation of this rhetorical device is the responsibility of the reader/receiver of the literary message.

Keywords: novel, ekphrasis, art, reading, receiver.

УДК 8

УЗБЕКСКИЕ РЕАЛИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Д.М. Насриева, докторант кафедры узбекского языкознания
Национальный университет Узбекистана
(100174, Узбекистан, г. Ташкент, Вузгородок)
Email: dilnozanasriyeva0412@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается лингвокультурная единица – дискурсивная сущность реалий, ее типы и проявления, узбекское описание в художественном тексте Исаджона Султана, автора ряда повестей и романов, народного писателя Узбекистана.

Ключевые слова: Языкознание, художественный текст, художественный дискурс, национальные специфические слова, понятие реалии, реалии слов и объектов.

Очарование нашего языка, его место в общественной жизни, его ни с чем не сравнимое значение, возможности образности и выразительности особенно ярко проявляются в художественном тексте. Художественный текст – это широкое поле для творчества, сцена, раскрывающая тайну и искусство слова. Слово – это ход воображения и мысли, смешанный с художественным замыслом, желаниями и пожеланиями писателя. Когда мы обращаемся к анализу художественного текста, мы непосредственно вступаем с ним в дискурс, общаемся с ним, обмениваемся идеями. Потому что текст в любом движении – это дискурс. По этой причине художественный текст в процессе анализа рассматривается как художественный дискурс. Для автора ценна каждая частичка места, где он родился и вырос: трава, дрова. Он рассказывает о бытовой и культурной жизни этого края. Именно таково творчество писателя Исаджона Султана.

Известно, что одним из основных понятий лингвокультурологии, а также одним из главных инструментов, определяющих национальный характер художественного произведения, являются реалии. Данное понятие научно изучено в мировой и узбекской лингвистике. Термин реалии впервые был определен К.Х. Хандшиным, позднее в мировом языкознании О. Ахмановой, В. Гаком, Л. Келли, Е. Верещагиным, В. Костомаровым, С. Влаховым, С. Флорином, Г. Томахиным, Д. Катаном, С. Тюленов, А. Градлер, Ю. Шабанова, Ю. Привалова в своих исследованиях изучали вопросы, связанные с реалиями [6, 131]. Реалии стали шире использоваться в лингводидактике, страноведении, культурологии, межкультурной коммуникации и других областях [13, 5]. В исследованиях Г. Саломова, Р. Файзуллаевой, К. Зораева, И. Гофурова по узбекскому языковедению выражено определенное отношение к национальным словам. И. Мирзаев, Х. Хамроев, Р. Ширинова, Ш. Сироджиддинов, Г. Одилова, Д. Абдурахмонова, З. Холманова, О. Сайдахмедова, О. Нуруллаева, Ф. Хабибуллаева определили типы реалий, принципы классификации, провели исследование по таким вопросам, как рефлексия. Впервые в узбекском языкознании профессор Г. Саломов отреагировал на действительность в учебнике «Введение в теорию

перевода» [6, 5-6]. Также лингвист З. Холманова определяет реалии следующим образом: «...понятия, существующие в определенной культуре и ставшие неотъемлемой частью этой культуры, то есть слово или фраза, приобретшие полный национально-культурный характер, представляют собой сочетания, которые представляют собой единицы, которые не существуют или не существуют как языковые единицы в другой культуре. Таким образом, реалии не ассоциируются в другой культуре» [13, 30]. По сути, реалии – это категория предметов и событий, уникальная для национальной культуры данного народа, чуждая другим языкам и в то же время тесно связанная с народом, страной и историческим периодом, с другой стороны. В этом смысле реалии также называют особыми словами. Конкретные слова – это понятия, относящиеся к конкретному народу, нации, народу, и через эти слова в нашем воображении понимаются национальная идентичность, национальная идея, национальный менталитет. Итак, когда мы говорим реалии, мы имеем в виду слова, характерные для определенного национального языка и образа жизни и не встречающиеся в других языках [2; 3; 4].

В переводоведении, лингвокультурологии, лингвостранологии реалии сравнительно анализируются как отдельная единица, и анализ осуществляется на основе лингвокультурологической оценки в рамках одного языка. В лингвистике осуществляется семантическая группировка и классификация реалий. В диссертации З. Касимовой дано достаточно информации о классификации Г.Д. Томахина, О.С. Ахмановой, В.Д. Филатова, С. Влахова и С. Флорина, В.С. Виноградова и Е.М. Коломейсовой. Исследователь также высказала свое мнение и разделила семантическую группировку реалий в узбекском языке на шесть типов: реалии, связанные с религиозными верованиями, бытовые реалии, реалии, связанные с обычаем, традицией, кванторы типа реалий, реалии, обозначающие должности, действия, титулы, реалии-имена [6, 30].

К этим классификациям можно добавить реалии искусства и культуры. Следует сказать, что реалии, используемые в любом произведении, связаны с местом проживания, происхождением, обычаями и традициями творца. По этой причине реалии, используемые в разных регионах, городах и селах Узбекистана, различаются по отношению к действительности, порядку их проведения, внешнему виду, изготовлению, шитью, цветочным копиям, иногда их названиям, использованию и т. д. отличается от внутренней реальности и создает ее. На основе приведенных классификаций рассмотрим национальные реалии, используемые для придания национального колорита в художественном дискурсе Исаджона Султана. В произведениях Исаджона Султана используются преимущественно реалии, связанные с бытом, религиозной верой, традициями и именами-реалиями. Если обратить внимание на некоторые реалии в романе «Ozod» («Свободный») и «Genetik» («Генетик»):

...Bobom **belbog**‘ini yechib yelkasiga tashlarkan, meni koyiydi:

– Tahoratxonaga chap oyoq bilan kiradi, quloqsiz! Chap bilan kirib, o‘ng bilan chiqasan [11, 184]

...Haybati bir dunyo otam bobomning oldiga kelganida yosh boladay bo‘lib qoladi. Oyoqlarini yuvadi, uqalaydi, **yaxtagini** almashtiradi... [11, 184]

...**Otashkurakni** opke, – deydi. **Otashkurak o‘choqni** boshida. Chopib borib opkelaman [11, 186]

“Voy, chop, tandirga qara, nonim achib ketmasin”, deydi shosha-pisha... Onam chang tushmasin deb yo‘l-yo‘l **dasturxonga** o‘ralgan zuvalalarni savatga solib keladi-da, non yopa boshlaydi... Onam, “Voy o‘lay” deb unga qaraganida, **kosovga** ilashib chiqqan bir cho‘g‘ ko‘ylagiga tushib, tutay boshlaydi. ...Obdastadagi suvni olib, ust-boshiga sepib yuboradi [11, 187]...

В примерах присутствуют конкретные слова, неоднократно используемые в узбекском быту, – типы бытовых реалий, обозначающие одежду и предметы. **Belbog‘ I** – кусок ткани с цветами или без них, в форме квадратного платка, с пришитыми краями; киик, киикча [10].

Практически во всех текстах, где используется это слово, национальное отношение к действительности и менталитет гармоничны. Потому что специфическая история, культура и национальное мироощущение узбекского народа наложили свой отпечаток на такие лингвокультурные единицы. Слово *Belbog'* характеризуется своим национальным характером и национально-культурной окраской. *Belbog'* использовался в узбекских хозяйствах как часть национальной одежды для различных целей: плотно удерживал брюки в талии; когда пришло время, был чемодан; когда была необходимость, был столом; иногда тюрбан в поездке; иногда исполнял роль джойнамаза (намазник); при необходимости действовал как веревка; зонтик в жару; при мытье рук использовался как скатерть; даже когда не было возможности найти чем-нибудь прикрыть еду, которую везли в дорогу *belbog'* (пояс) пригождался, чтобы на нее не попадала пыль. Узбекские мужчины и женщины, особенно пожилые отцы, завязывали описанный нами пояс, чтобы сохранить спину крепкой во время тяжелой работы, а также для создания комфорта при схватке с противником в древней узбекской борьбе, чтобы завязать пояс вокруг талии. Когда земледелец выходил в поле, его пояс и поясной ремень служили для вытирания кожи со лба. Пояс на свадьбах¹ в узбекских семьях выступает и в качестве культурного кода траура².

Завязывание пояса в Ташкенте и его окрестностях считалось знаком траура. В Хорезме в некоторых случаях сарпо (приданое), посылаемый зятю тещей, включал в себя пояс, которым в брачную ночь оборачивали талию. На следующий день, после того как проходит церемония «встречи с невестой», жених отдает пояс невесте и больше им не пользуется. Невеста использует этот пояс как фату или платка вокруг головы во время свадебных церемоний. Также в некоторых городах и селах Узбекистана пояс используется не только для обвязывания пояса, но и у работников сферы обслуживания, организующих обряды, таких как мулла, отинойи, ходмигар, самоварщик, повар и т.д. Его также используют привязать определенную сумму денег. Слово-реалия *belbog'* (пояс) в этом тексте заложено в художественном произведении, показывающем оживленную общественную жизнь и быт узбека, а также настоящее трудолюбие.

Яктак (яхтаг на ферганском диалекте) – длинная мужская рубашка с открытым передом [9], изготовленная из тонкой прохладной ткани. Письменные источники XII-XIII веков содержат сведения о яктак, настенные росписи и миниатюры V-VI веков изображают яктак [8]. В тексте, наряду с национальным колоритом, заметно и то, что особое значение придается одежде пожилых людей в жаркую погоду.

Реалия otashkurak горящий или раскаленный предмет, бытовой инструмент, используемый для удаления углей, подготовки огня [10].

Реалия kosov – дерево или железо, используемое для корректировки огня, выдергивания травы и т.д. [10]. В художественном рассуждении писателя просматривается, что спичка предназначена для очага, а *kosov* – для подправки углей в печи. Так, если пожарная лопата делается только из железа, то *kosov* делается и из дерева, и из железа. Через эти реалии автор показывает непоседливость, ребячество и трудолюбие узбекской женщины. Известно, что ни один день узбекского хозяйства не проходит без стола. Испокон веков сидение за столом, прием пищи, чашка чая объединяет членов семьи, друзей, родственников, приносит любовь и очень ценится.

Дастурхон чаще всего прямоугольная, иногда круглая, из хлопчатобумажной ткани (с цветами или без них), чтобы хлеб к ней не прилипал. Также стол использовался для разных целей. В нашем приведенном выше примере скатерть использовалась для того, чтобы верхушки шариков из теста не затвердевали на ветру и не попадала пыль. Кроме того, в романах автора “Genetik” и “Ozod” («Генетик» и «Озод») присутствуют реалии одежды, такие как тун (халат), доппи (тюбетейка), тюрбан, реалии, обозначающие названия еды, например, простой суп, такие имена, как Холис, Тохта, Кумри, Далавой, Убай. Все они представляют собой уникальный внутренний образ жизни нации, как например:

– Otamni bor yo‘g‘i bitta ko‘k to‘ni bor. Uzoqdan ekinlar ichida kuymanayotgani ko‘rinadi. To‘ning yelkasi ilma-teshik bo‘lib ketgan [11, 188] Тун – древний вид одежды; об этом можно узнать по фрескам и изображениям в миниатюрах, сохранившимся на территории Узбекистана. Ханы и эмиры издревле надевали тун (халат) при посещении послов и иностранных гостей в обмен на добрые услуги богатым людям и чиновникам, и этот обычай сохраняется и сегодня [5, 111]. В узбекском народе, хотя в некоторых регионах слова «тун» и «чопон» употребляются параллельно, в большинстве случаев халат используется для повседневного ношения, а реалия халата используется в связи с тем, что его носят как подарок и поздравление по какому-либо поводу, в знак благодарности и уважения. В Бухарской области и районах в основном употребляется слово «чапон» (любого типа). В приведенном примере писатель передает реалию туна, исходя из языка региона, и преувеличивает реальный смысл путем сочетания модальных слов (обозначающих существование и небытие). Создатель мог бы выразить это как “Otamni bitta ko‘k to‘ni bor” («У моего отца один синий чопон»), не используя модальное слово. В этом случае художественный замысел адресанта не достиг бы адресата быстро, убедительно и впечатляюще. Из-за неустанного труда отца даже у этого синего чапона была дырка на плече. Для усиления значения писатель также использовал вспомогательный глагол (стал), означающий, что чапон был проколот в нескольких местах от плеча. Почему он синий? Раньше мужчины носили более скромные и изысканные одежды для домашних дел.

– **Ubay** akaning bolalari, хотини ham boriydi. **Xolis** aya baland bo‘yli, kelishgan ayol bo‘lib, Ubay akaning zug‘um va tazyiqlariga lom-mim demay bardosh beradigan va o‘sha zug‘umlar aro bolalarini tishida tishlab katta qilayotgan bir хотин edi. [11, 31]

...Bu – o‘n bitta bolasi bor **To‘xta** xolaning ovozi... [11, 51]...yana bir mushtipar ayol – **Qumri** xolaning farzandlari o‘n beshta [11, 51]

...Motor shovqinida ovoz eshitilmaydi, buning ustiga traktorchi **Dalavoy** akaning qulog‘i og‘ir... [11, 52]. Антропонимы, используемые в художественных текстах, не следует рассматривать как материал, необходимый для доказательства чисто лингвистических теорий. Поскольку известные существительные, использованные в художественном произведении, служат художественному замыслу писателя, как общая поэтика произведения... Писатели вкладывают в имя героя свое мировоззрение, размещая при этом информацию о его поведении и характере [1, 13]. Точно так же большинство имен, упомянутых в произведениях Исаджона Султана, являются ономастическими метафорами, а также именами-реалиями. Уникальный стиль писателя заключается в том, чтобы воплотить некоторые использованные им антропонимы в глазах читателя, донести до него информацию и дать свое объяснение. Холис Убай принимает гнев брата, насколько может, ведь он отец его детей. Писатель дает своему герою имя Холис, читатель, знакомящийся с содержанием произведения, видит, что Холис ая имеет беспристрастный подход к каждой действительности. Узбекский народ всегда был нацией, любящей детей, и поскольку Тохта была единственным ребенком в семье, Бог благословил ее одиннадцатью детьми.

Обычно дети, рожденные в семье, умирают один за другим, поэтому считается хорошей идеей в целях сохранения ребенка давать такие имена, как Тохта, Тохтасин, Тохтавой. Писатель использовал антропонимы как метафору для передачи своей художественной цели, одновременно затрагивая и узбекское дворянство. Также антропоним Далавой является ономастической метафорой, и такое имя-реалия писатель использовал исходя из профессии персонажа, то есть садовник.

В рассказе автора “Onaizorim” («Матушка») наряду с житейскими реалиями мы можем найти различные проявления реалий, связанных с обычаями и традициями:

...**Non sindirildi, oqlik** berildi. Kelganlarning erkaklariga belbog‘, ayollariga ro‘mol, dasturxonlariga non va qand-qurs solindi... [12]

Yana bir necha kun o‘tgach, “**qozon oshi**” bo‘ldi. Kuyov tomondan uch kishi aravada ikkita qo‘y, bitta nimta, yog‘, ikki qop un, guruch va sabzavotlargacha olib kelishdi... [12]

To‘ydan bir kun avval “**non-patir**” marosimi bo‘ldi. Yuztalab non yopildi, qatlamalar pishirildi... [12].

Shundan so‘ng kuyov tarafning yosh bolalaridan biri iljayib turib, mevali daraxtdan sindirib olingan kichkina cho‘p bilan kelinning yuzidagi surpni yulqab oldi... “**Yuz ochar**” marosimi mana shunday bo‘lib o‘tdi [12].

Единицы действительности, относящиеся к этнографии, также в разных частях Узбекистана называются по-разному и располагаются в разном порядке. Реалии свадебного обряда в тексте – это традиционные обычаи районов и сел Ферганской долины. По ходу текста автор дает объяснение сущности единиц реалии, относящихся к каждому ритуалу. В наши дни в некоторых отдаленных регионах сохранились некоторые традиции, связанные со свадебным обрядом.

Таким образом, реалии представляют собой очень интересный и необычный пласт языковой лексики. В действительности близость языка и культуры очевидна. Некоторые реалии, связанные с обычаями и традициями, могут со временем ограничиваться сообществом или вообще не использоваться. Они также имеют временное значение и «продолжительность жизни». Лексика писателя чувствительна ко всем изменениям в обществе. Появление новой реалии в материальной и духовной жизни общества вызывает появление в языке соответствующих слов-реалий и обогащает словарный запас языка.

Примечания

¹ Стало традицией повязывать пояс (киикча) вокруг талии каждого мужчины, танцующего в кругу на свадьбах в таких регионах, как Андижан, Наманган и Фергана Узбекистана.

² В городах и регионах Узбекистана, таких как Бухара, Навои, Сурхандарьина, Кашкадарья, родственники скорбящей семьи повязывают пояс на талии, чтобы показать свою близость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анданиёзова, Д. Бадий матнда ономастик бирликлар лингвопоэтикаси. Фил. фан. бўйича фалсафа док. (phd) дисс. авто-ти. Тошкент, 2017. – Б. 47
2. Bobokalonov, R.R. Нейропсихоллингвистика: языковая личность и харизматический человек. Теория, практика и методика. Monographie. LAP LAMBERT Academic Publishing, Republic of Moldova, Europe printed. 2023. Pages 3-230. ISBN: 978-620-6-15214-9.
3. Bobokalonov, R.R. La linguistique textuelle (Matn linguistikasi). Manuel, Editions universitaires européennes. Republic of Moldova, Europe printed, 2022. Pages 3-174. ISBN: 978-620-2-27304-6.
4. Bobokalonov, R.R. Nutqiy hosila, semiotik belgi, diskurs va neyropsixolingvistik holat. Monographie. GlobEdit. Republic of Moldova, Europe printed, 2023. Pages 3-223. ISBN: 978-620-0-64729-0.
5. Давлатова, С. Ўзбек кийимларининг изоҳли луғати. Тошкент, “Yangi nashr”. 2014. – В.128
6. Касимова, З. Ўзбек тилидаги реалияларнинг семантик тадқиқи. Фил. фан. б. фалс. док. дисс. –Тошкент, 2022. – 131 б.
7. Лилюкович, О.С. Лингвокогнитивный и лингвокультурологический потенциал испанских реалий в художественном дискурсе Эдуардо Мендосы. авт. дисс. на соискание уч. степ. канд. фил. наук. – Москва, 2016. – 26 с.
8. <https://khivamuseum.uz/uz/erkaklar-liboslari-haqida>
9. <https://milliycha.uz/yaktak/>
10. O‘zbek tilining izohli lug‘ati. 6- tomlik. A.Madvaliyev tahriri ostida. Toshkent. 2023.
11. Sulton, I. Genetik. – Toshkent: Yangi asr avlodi, 2018. – В.382.
12. www.ziyouz.com кутубхонаси
13. Xolmanova, Z., Saidaxmedova O., Nurullayeva O. Lingvokulturologiyaga oid tushunchalar tadqiqi. – Toshkent, 2018. – В. 30.

REFERENCES

1. Andaniyozova D. Badiiy matnda onomastik birliklar lingvopoetikasi. Fil. fan. b'yyicha falsafa dok. (phd) diss. avto-ti. Toshkent, 2017. – B. 47 (In Uzbek).
2. Bobokalonov, R.R. Neyropsikholingvistika: yazykovaya lichnost' i kharizmaticheskiy chelovek. Teoriya, praktika i metodika. Monographie. LAP LAMBERT Academic Publishing, Republic of Moldova, Europe printed. 2023. Pages 3-230. ISBN: 978-620-6-15214-9 (In Uzbek).
3. Bobokalonov R.R. La linguistique textuelle (Matn lingvistikasi). Manuel, Editions universitaires europeennes. Republic of Moldova, Europe printed, 2022. Pages 3-174. ISBN: 978-620-2-27304-6. (In Uzbek).
4. Bobokalonov R.R. Nutqiy hosila, semiotik belgi, diskurs va neyropsixolingvistik holat. Monographie. GlobEdit. Republic of Moldova, Europe printed, 2023. Pages 3-223. ISBN: 978-620-0-64729-0. (In Uzbek).
5. Davlatova S. Ÿzbek kiyimlarining izoxli lurati. Toshkent, “Yangi nashr”. 2014. – B. 128 (In Uzbek).
6. Kasimova Z. Ÿzbek tilidagi realiyalarning semantik tadqiqi. Fil. fan. b. fals. dok. diss. –Toshkent, 2022. – 131 b. (In Uzbek).
7. Lilikovich O.S. Lingvokognitivnyy i lingvokul'turologicheskiy potentsial ispanskikh realiy v khudozhestvennom diskurse Eduardo Mendosy. avt. diss. na soiskaniye uch. step. kand. fil. nauk. – Moskva, 2016. – 26 p. (In Uzbek).
8. <https://khivamuseum.uz/uz/erkaklar-liboslari-haqida> (In Uzbek).
9. <https://milliycha.uz/yaktak/> (In Uzbek).
10. O'zbek tilining izohli lug'ati. 6- tomlik. A.Madvaliyev tahriri ostida. Toshkent. 2023. (In Uzbek).
11. Sulton I. Genetik. – Toshkent: Yangi asr avlodi, 2018. – B. 382. (In Uzbek).
12. www.ziyouz.com кутубхонаси (In Uzbek).
13. Xolmanova Z., Saidaxmedova O., Nurullayeva O. Lingvokulturologiyaga oid tushunchalar tadqiqi. – Toshkent, 2018. – B. 30. (In Uzbek).

Материал поступил в редакцию 21.10.23

UZBEK REALITIES IN ARTISTIC DISCOURSE: NATIONAL IDENTITY

D.M. Nasrieva, Doctoral Student of the Department of Uzbek Linguistics
National University of Uzbekistan
(100174, Uzbekistan, Tashkent, University town)
Email: dilnozanasriyeva0412@gmail.com

Abstract. *This article examines the linguistic and cultural unit – the discursive essence of realities, its types and manifestations, the Uzbek description in the literary text of Isajon Sultan, the author of a number of novels, the People's writer of Uzbekistan.*

Keywords: *Linguistics, artistic text, artistic discourse, national specific words, the concept of reality, the realities of words and objects.*

Для заметок

Для заметок

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ / PHILOLOGY

Международный научный журнал

№ 6 (48), ноябрь / 2023

Адрес редакции:

Россия, 400081, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г», оф. 312.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

Изготовлено в типографии ИП Ростова И.А.

Адрес типографии:

Россия, 400121, г. Волгоград, ул. Академика Павлова, 12

Учредитель (Издатель): ООО «Научное обозрение»

Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.

E-mail: sciphilology@inbox.ru

<http://sciphilology.ru/>

ISSN 2414-4452

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Мелихова Наталья Васильевна

Редакционная коллегия:

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук

Ансимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Мадрахимов Тулибай Абдукаримович, кандидат филологических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор философии по педагогическим наукам (PhD)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук

Шереметьева Анна Геннадьевна, доктор филологических наук

Бобокалонов Рамазон Раджабович, доктор филологических наук

Сайфуллаева Рано Рауфовна, доктор филологических наук, профессор

Якубов Жамалиддин Абдувалиевич, доктор филологических наук

Зиямухамедов Жасур Ташпулатович, доктор филологических наук

Киличева Феруза Бешимовна, кандидат филологических наук

Редакционный совет:

Новоградец Марина Яйич, доктор филологических наук

Лосева-Бахтиярова Танем Валерьевна, кандидат филологических наук

Саидов Якуб Сиддинович, доктор филологических наук

Артамонова Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 28.11.2023 г. Дата выхода в свет: 12.12.2023 г.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Заказ № 55. Свободная цена. Тираж 100.